

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 33

1987

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

**ПОПЫТКА
ПРОРОЧЕСТВА**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 33

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

ПОПЫТКА ПРОРОЧЕСТВА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

Леонид Аронович Жуховицкий — известный прозаик, драматург, публицист. Родился в 1932 году в Киеве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. В настоящее время живет в Москве. Автор двадцати с лишним книг, из которых наиболее известны «Остановиться, оглянуться...», «Легенда о Ричарде Тишкове», «Только две недели», «Счастливыми не рождаются». Пьесы «Верхом на дельфине», «Выьем за Колумба!», «Трубач на площади», «Последняя женщина сеньора Хуана» и другие пользуются популярностью в нашей стране и за рубежом. Произведения Леонида Жуховицкого переведены на многие иностранные языки.

АНАТОМИЯ ПЕРЕГИБА

ИНФАРКТНЫЙ СЛУЧАЙ

В Таллине, прямо на улице, пожилой женщине стало плохо. Слава богу, шла с мужем. Он не дал упасть, усадил на тротуаре, затылком к фонарному столбу, — и заметался. Звонить в «Скорую»? Но пока найдешь автомат, пока приедут... А до больницы, он знал, две минуты на машине. Выскочил на проезжую часть — такси не видно, а «частники» шпартят мимо. По счастью, увидел милиционера. Кинулся к нему. Тот уже отработал, спешил домой. Но сразу все понял — первую же легковушку остановил. Водитель был молод, и милиционер ввиду крайности ситуации обратился к нему на «ты»:

— Слушай, женщине плохо, довези до больницы.

Тот замотал головой:

— Все понимаю, но сейчас...

— Скажешь, сотрудник милиции велел.

Ввиду крайности ситуации водитель тоже перешел на «ты»:

— А акт на кого составят, на тебя или на меня?

Милиционер, к его чести, нашел выход: сел рядом с водителем и проводил до больницы. Женщина осталась жива. А если бы милиционер спешил домой по соседней улице?

Тридцатого июня восемьдесят шестого года подобная нелепость произойти не могла. Первого июля она стала нормой. И вот теперь я пытаюсь понять: по какой изуверской логике Указ, направленный против вора и жулья, чуть не стал причиной гибели для женщины, виноватой лишь в том, что сердце схватило прямо на улице?

Этот случай и случаем-то называть неловко. Ибо все мы знаем, что летом 1986 года по стране прошла своеобразная волна нелепостей, напористая и целеустремленная, месяца минимум на полтора заметно ухудшившая нашу жизнь. На северных и южных базарах обнищали прилавки и резко взлетели цены. На садовых участках умолкли молотки и топорики, недостроенные дощатые хижинки опустели, словно вымерли. Машинистки перестали брать работу на дом, шоферы подвозить, микрорайонные умельцы — врезать замки, обивать двери, оклеивать стены

и белить потолки. Недели пошли хлопотные, полные разнообразных осложнений: словно бы люди, нас окружающие, сразу, рывком стали то ли бессердечней, то ли ленивей, то ли все одновременно перестали нуждаться в деньгах. Разномастное производство товаров и услуг, не проходящее по бумагам Госплана, но ощутимо облегчающее наше существование, словно споткнулось о порог: кофты остались недовязанными, холодильники недочиненными, абитуриенты недоученными, сливы непроданными. Вообще нашу частную жизнь порядком залихорадило: мы опаздывали на работу и на поезда, переплачивали за овощи и услуги, теряли время и нервы по абсолютным, казалось бы, пустякам, а поскольку наша частная жизнь прямо влияет на работу, не будет большим преувеличением сказать, что в жарком июле неожиданно залихорадило страну.

Страницы центральных газет заперестрели однотипными письмами. К колхознику, построившему возле дома теплицу, приходят и требуют теплицу сломать — она на пять метров просторней, чем положено, а «просигналил» в инстанции сосед, у которого на подворье только лопухи да одуванчики. На северокавказском курорте вдруг опустел некогда знаменитый базар — железные кордоны милиции перекрыли дороги: идея — укоротить руки хапугам, использующим базар в целях наживы. Где-то под Москвой объявился сапожник, который исхитрился отливать и прилаживать к дамским сапожкам непромокаемые подошвы, — сапожника разоблачили и «искоренили».

Авторы подобных писем жалобно зывали к здравому смыслу: разве предсудительно выращивать на потребу себе и землякам ранние помидоры? И почему мокрые женские сапожки законней и прогрессивней сухих?

Однако почта приносила в те же газеты письма с иной, резко противоположной точкой зрения. Оппоненты возражали: да, существовавшая десятилетиями огородно-ремонтная суета, возможно, и давала обществу некоторый материальный прирост, но во имя чего все творилось? Разве бескорыстно везлись на рынок фрукты и приваривались подметки к сапогам? Нет и нет, это делалось ради наживы. Материальный выигрыш был, но какими деньгами измеришь моральный ущерб?

Сейчас лично мне взгляд на проблему под углом нравственным представляется наиболее перспективным. С общественной порядочностью баловаться нельзя: рано или поздно даже малая утечка совести скажется на всем вокруг нас, в том числе и на экономике. Я не хозяйственник и не юрист, поэтому позволю себе сосредоточиться как раз на моральном ущербе.

БЕЗ ТЕПЛИЦЫ ЛУЧШЕ?

Итак, пожилой колхозник вместе со своими домашними соорудил на усадьбе теплицу на несколько метров просторней положенной, за что и пострадал. Что он собирался делать на лишних метрах? Гнать самогон,

фальшивые деньги печатать? Вряд ли, хотя бы потому, что это неудобно — у теплицы стены прозрачные. Скорее всего замысел был традиционный: выращивать те же самые огурцы, что и на законном производстве. Просто их, вероятно, получилось бы побольше.

И вот я честно пытаюсь понять: почему много огурцов хуже, чем мало? Пытаюсь и не могу: все мои дилетантские предположения как от стены отскакивают. Может, размеры теплицы пагубно отразятся на качестве товара? Но тогда пострадает сам владелец сооружения: покупатель вернется от некачественной продукции, и могучий соперник, районный магазин «Фрукты-овощи», легко задавит слабосильного конкурента. Или причина иная — наш огородник вынашивает коварный план выбросить свою хрустящую продукцию на местный базар по предельно низким, прямо-таки демпинговым ценам? Это, бесспорно, огорчит соседей по прилавку, зато наверняка обрадуется покупатель, которого, как известно, родословная продуктов питания волнует мало, лишь бы повкусней да подешевле. Правда, за дополнительные овощи хозяин теплицы получит дополнительные деньги, но и это можно ли квалифицировать как экономическую крамолу? Сам принцип социализма гарантирует оплату по труду: кто лучше работает, тот и должен больше получать. Словом, при всем желании я не в силах обнаружить, с какого конкретно края производитель ранних огурцов ущемил общество, государство и Советскую власть.

Вот перед кем он бесспорно виноват — это перед соседом. Сами посудите: какво человеку ежедневно видеть из окна чужой огород в порядке, а свой в бурьяне? А если еще и жена ворчит и дети ухмыляются? Любому станет обидно. Тут налицо безусловный и несомненный моральный ущерб, который не измеришь деньгами. Так что сосед имел все психологические основания сигналить в сердобольные инстанции, требуя, чтобы с его оскорбленного глаза убрали это обтянутое пленкой огуречно-помидорное бельмо.

Зато инстанции, мне кажется, несколько поторопились. Исходя из того же морального ущерба, который не измеришь никакими деньгами. Смотрите, что получается в итоге. Вот два соседа, два деревенских жителя: один труженик, другой, так сказать, любитель отдыха на природе. Кто из них морально выше? То есть просто вопроса нет — разумеется, любитель отдыха. К первому множество суровых вопросов — ко второму никаких. Первый еще побегаёт, доказывая дозволенный характер своих доходов, — второй за свои доходы спокоен ввиду отсутствия такового. Первому предстоит ломать с любовью сделанную теплицу, второму ничего ломать не надо, ибо он ничего и не строил. Первый мечется, добывая нужные справки, ибо прочно привязан к рынку (а куда еще он денется со своими огурцами?), второй если и заглянет на рынок, то лишь в безукоризненном качестве покупателя.

Ну и какой отсюда вывод?

Да самый простой: без теплицы лучше, чем с теплицей. Или — если более общо — не работать лучше, чем работать. Лучше не подвозить до больницы женщину, сидящую на тротуаре затылком к столбу. Лучше не хлопотать в огороде над ранними огурцами. Лучше не чинить соседю холодильник. В плане морального комфорта, который не измеришь никакими деньгами.

ВЫГАДЫВАЕТ БЕЗДЕЛЬНИК

Может показаться, что этот конфликт касается лишь той запутанной сферы жизни, которая называется индивидуально-трудовой деятельностью. Увы, это не так: в шахтах, на заводах, на стройках бурлят те же страсти, только глуше выраженные.

Издавек, из Приморского края, получил я письмо от рабочего с сорокалетним стажем, слесаря-монтажника, имеющего полдюжины смежных специальностей. Письмо откровенное, доказательное. Приведу одну выдержку.

«Я всю жизнь добивался такого наряда, который бы не переделывался, — я такого наряда не видел, мне боялись его давать. Просит главный механик молкомбината: «Аристид, выручай, сделай маслозавод, надо всю техчасть. Там одни алкаши, без конца пьют. Им закрывают по триста рублей, все сроки прошли, а дело не начато. Выручай!» Я ему: «Андрей Яковлевич, наряд вперед!» Он мне: «Ишь чего захотел! Опять восемьсот рублей заработаешь? Так не пойдет». Моя бригада из трех человек сделала весь (кроме освещения) монтаж этого маслозавода — котельную, отопление, всю технологию, холодильную часть, цельномолочный цех производительностью десять тонн в смену — и все за 18 дней! Под пуск, без недоделок. Как мы работали, по сколько часов в день, думаю, объяснить не надо. И зарплаты нам дали тысячу двести на троих. А тем алкашам, не сделавшим и тридцатую часть нашей работы, заплатили семь тысяч. И это называется — каждому по труду?.. А в другой раз мне надоело выколачивать трубы, кислород и так далее, и я специально один месяц абсолютно ничего не делал. Совсем ничего. «Закрыли» мне наряд на двести двадцать рублей, и еще были очень мною довольны — не надоедает и не зарабатывает по триста пятьдесят в месяц!»

Вот такая история. И, по сути, та же самая уродливая логика — не работать лучше, чем работать. Нравственной! Ибо опять труженику приходится оправдываться, что много сделал, выпрашивать честно заработанное и слышать в ответ: «Ишь чего захотел!»

Я уже сказал, что не экономист. А будь экономистом, непременно постарался бы разобраться вот в чем. Маслозавод-то был смонтирован! Значит, и весь объем работ оплачен. Но кому? Ясно одно: не тем, кто реально работал. Еще кому-то. Видимо, бригаде, поначалу завалившей дело. И фактически вышло, что автор письма и два его товарища в поте

лица батрачили на халтурщиков и алкашей. То есть типичная эксплуатация человека человеком. При социализме!

Вот так бы подумал, будь я экономистом. Хорошо, что у меня другая профессия.

Когда обделяют труженика, государство даже материально не выгадывает ничего — выгадывает бездельник!

МУДРОСТЬ ДУРАКА

Вернемся к теплице. Почему сосед-лентяй написал донос на соседа-труженика, понятно. Но как объяснить другое: почему этому доносу незамедлительно и ретиво дали ход? Ведь далеко не всегда наши инстанции столь динамичны. С теми же, например, туеядцами воюют куда добродушней: раз в год предупредят через соседей, раз в три пожурят при встрече, и дело с концом, а на трудягу-огородника навалились со всей серьезностью.

Первое, что приходит в голову каждому и мне пришло, — перегиб. Переусердствовали товарищи. Хотели добра, но малость переборщили. Лес рубят — щепки летят. Бывает. Важно, что намерения были благородные.

Но отчего же так противно писать про перегиб? Да просто надоело. Сколько раз это хитрое словечко слышал, сколько сам произносил. И — словно бы заплатка ставится на орущую проблему: причина найдена, разбираться нечего. Ведь не корысть же, не подлость — всего-навсего перегиб.

А может, имеет смысл хоть раз задуматься: почему это, начиная любое разумное дело, мы как бы заранее планируем перегиб?

Обычное объяснение вот какое: дураков много. А с дурака какой спрос? Старается, но заносит. Так сказать, платим неизбежный налог на глупость. Вот и летом 1986 года утешали себя и друг друга: идея, мол, хорошая, надо просто подождать немного, пока дурак воспитается на собственных ошибках.

Честно говоря, и я так думал. А потом засомневался. Во-первых, уже на моей памяти было столько разнообразных кампаний и соответственно столько перегибов, что самый последний дебил чему-то да научился бы. А во-вторых, из всех знакомых дураков при должности я не встречал ни одного, который регулярно дурил бы себе во вред. Чего не было, того не было. Только на пользу! И щепки почему-то всегда летят не в него, а в наше родное социалистическое государство. С чего бы, а?

И еще одна деталь. Ведь нельзя сказать, что общество наше с перегибом не боролось. Боролось, и еще как! Все центральные газеты защищали право труженика на труд. Доктора юридических наук давали вполне квалифицированные разъяснения. Мало того, авторитетнейший специалист в сфере законности, Генеральный прокурор СССР А. М. Рекун-

ков решительно выступил в «Известиях» против уродливых искажений в применении Указа. Ну и что — дурак тут же покаяться? Как бы не так! Отступает, конечно, но медленно, ведя упорные арьергардные бои. На днях зашел в ГАИ за справкой — в коридоре маются бедные автовладелеццы: один за тройку подвез женщину от Кузьминок до Аэровокзала, другой кого-то за рубль от Хорошевки до Курского. Я им говорю:

— Так ведь Генеральный прокурор в газете...

А они мне:

— Там прокурор, а тут капитан...

Вот ведь как смел наш «дурак» — ни центральной прессы, ни докторов наук, ни самого Генерального прокурора не боится!

И тут я сделал одно предположение. А что, если в нашей истории с нетрудовыми доходами палку в очередной раз перегнул не дурак, а хитрый, прекрасно понимающий свою цель человек?

И вдруг все с пугающей ясностью встало на место.

Нет, перегиб не глупость. Это вырвался наружу острый социальный конфликт, это тысячи людей обожгло бушующее под спудом злое пламя. Я, повторяюсь, не юрист, а юрист бы в таком случае непременно спросил: кому выгодно? Ведь если перегнули, кому-то он на руку, этот перегиб?

Да, на руку.

Против кого был направлен Указ самым своим острием? Против жулика, взяточника, казнокрада, блатмейстера. Против спекулянта дефицитом и привилегиями. Против хищной лапы в общественном кармане.

Что нам делать с хищником — понятно. Ну, а ему-то, хищнику — жулику, взяточнику, казнокраду, блатмейстеру, спекулянту, — ему как быть? Безропотно ползти на свалку Истории? Хорошо бы, но не захочет. Бороться, идти против течения? Не выйдет, силенки нет. Недавно была, а сейчас нет: связи порваны, покровители посажены, угрозы не страшат, демагогия не действует.

Так что же делать умному дураку? Раз нельзя смягчить удар, самое разумное — отвести его в сторону. Изменить направление. Чтобы борьба с нетрудовыми доходами шла вовсю, но с кем-нибудь другим. Например, с кохозником, везущим картошку на рынок. С умельцем, врезающим замки. Со студентом, в каникулы собирающим из щитов дачные домики. С многодетной уборщицей, незаконно и злонамеренно с целью наживы драящей кафель в чужих туалетах. Короче — с частником. Почему именно с ним? Это как раз очень легко понять. Потому что частник наиболее незащищен социально. Самый лучший козел отпущения.

Нет, перегибая палку до предела, дурак поступил мудро. Это мы с вами растерялись. Хоть на время, но остались в дураках.

В ПОРЯДКЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ ВЫРАСТИТЬ ТЫКВУ...

Надо бы все-таки разобраться, кто же он такой — частник. И что есть индивидуально-трудовая деятельность, которой он зарабатывает на хлеб и подрабатывает на масло.

В нашей стране, великой промышленной державе, на огромных заводах трудятся десятки тысяч человек. И у нас же кто-то вяжет на дому, кто-то строит дачу очередному клиенту, кто-то бродит по подъездам с предложением обить дверь или навесить кухонный шкаф, кто-то откармливает бычка по договору с колхозом. Допотопная кустарщина прекрасно уживается с мощной современной индустрией. Хорошо это или плохо?

Мы индивидуально-трудовую деятельность в принципе допускаем. Дескать, раз не хватает жэковских слесарей, пусть уж чинит краны дядя Вася. Пока фруктовые колхозы не развернулись во всю свою запланированную мощь, пускай, так уж и быть, отставной майор на своем садовом участке облюбовывает яблоньки с прицелом на рынок. И вообще, раз между могучими отраслями нашей промышленности еще остаются отдельные щели, пусть кустарят помаленьку-полегоньку. Придет время — сами вымрут за ненадобностью.

Кстати, и частники смотрят на себя примерно так же. Наиболее печальным в почте о нетрудовых доходах мне показалось даже не содержание ее, а интонация — верней, две интонации. У обличителей — полная достоинства, прямая и жесткая, вся пропитанная уверенностью в своем праве решать и вершить. У самих индивидуальных трудяг — виноватая, просительская: мол, если и работали, так ведь совсем чуть-чуть, и то лишь потому, что обстоятельства вынудили. А когда работник начинает оправдываться перед бездельником, тут уж не до морального ущерба — тут материальный дай бог подсчитать!

И опять я, не специалист, не могу понять: почему в государстве трудящихся человек вынужден извиняться за труд? Почему должен объяснять, во имя чего сажает клубнику под окнами и из каких соображений вяжет носки? Для огромного количества граждан вольная воскресная работа — отдых, радость и пусть скромное, но творчество. Для кого-то — еще и прибороток. Ну и что? Любой труд почетен. Каждый получает по труду. Неужели двух столь ясных принципов недостаточно?

...Стоп! Вот ведь и меня захлестнула инерция — начинаю оправдываться. Дескать, войдите в положение, разрешите в порядке исключения вырастить тыкву или сколотить табуретку...

Хватит, дорогие мои. Что нравится, то и рашу. Что хочу, то и сколачиваю. Пусть бездельник оправдывается!

Все мы оказываем друг другу услуги. Когда через посредство народного хозяйства, когда напрямую. Когда бесплатно, когда за деньги.

И вовсе не необходимо, чтобы между двумя гражданами, кратковременно объединенными случайной заботой, непременно втискивался закон. В большинстве ситуаций нам вполне хватает собственной совести и ума, а избыток регламентирующих положений ведет не к порядку, а к беспорядку. Когда в дождь на стоянке такси перетаптывается очередь, а мимо пролетают частные машины и ведомственные автобусы, это экономический идиотизм и нравственная непорядочность. Не стану гадать, о чем говорит очередь под дождем, но уж наверняка не о торжестве социальной справедливости...

Пора, давно пора решить этот вопрос в принципе. И решить в пользу труженика. Пусть в неидеальной нашей жизни люди помогают друг другу как умеют и как хотят. Пусть растут и ремонтируют, циклюют и красят, подвозят и подносят, вяжут и шьют. Пусть, если возникает необходимость, договариваются о цене. И пусть чрезвычайным событием, требующим подробного юридического обоснования, станет не разрешение, а запрещение работать.

ПУСТЬ НАМ БУДЕТ ХУЖЕ

Из песни слова не выкинешь. Июльско-августовский перегиб стал возможен, пожалуй, только потому, что поначалу, до скачка цен на рынках, пользовался эмоциональной поддержкой немалой части нашей общественности. Минут на двадцать и я к ней примкнул.

В конце июля я зашел с приятельницей на Ленинградский рынок — надо было купить помидоров заболевшему коллеге. Помидоров было не так уж много, примерно полряда. Особенно крупные и чистые — у симпатичного человека в красивых усах. Мы спросили цену. Он ответил. Мы переспросили. Он повторил. Моя попутчица вполне доброжелательно заметила, что любит шутки. Гражданин в красивых усах еще доброжелательней возразил, что в магазине гораздо дешевле, и порекомендовал обратиться туда. На мою долю доброжелательности уже не осталось, и, довольно резко пробормотав, что с такой ценой продавец над своим товаром состарится, я потащил приятельницу в магазин.

В магазине помидоры были, однако такие, что их не только больному, но и здоровому предлагать рискованно. Очередь тем не менее стояла, какие-то бабуси без особых надежд качали права, продавщица кричала, что выбирать они будут на рынке.

Мы вернулись туда, где можно выбирать. Наш усатый собеседник посмотрел на нас с некоторым даже сочувствием. Мы воспользовались правом выбора и купили помидоры не у него, а у его соседа, чуть помельче и за ту же цену. А что нам оставалось?

Хорошо помню ощущение бессилия и ярости. Как же хотелось, чтобы вдруг вошли дружинники с грозными повязками на рукавах, взяли нашего противника под белые руки... А помидоры — черт с ними,

с помидорами! Проживем. Пусть нам будет хуже — лишь бы и ему стало хуже!

Вот это самое — «лишь бы и ему стало хуже» — и есть эмоциональная основа перегиба.

Потом, успокоившись, я, конечно, понял, что брать продавца овощей под белые руки не за что. Сам вырастил, сам продает. Если даже несколько соседей попросили прихватить и их урожай, — что ж, и это если не законно (как смотрит закон на подобные вещи, не знаю), то закономерно: зачем троем стоять за прилавком, вполне хватит одного. А главное, от суровых административных мер помидоры, как правило, не дешевеют, а дорожают. Элементарный закон рынка: чем больше товара, тем он дешевле. Все попытки установить некую «справедливую» цену в обход базарной стихии до сих пор терпели провал, и, боюсь, та же судьба их ждет и в дальнейшем.

Кстати, я имею в виду не только колхозные прилавки.

А наш огромный общесоюзный рынок с его гастрономами и универсами, ларьками и лотками, кооперацией и комиссионкой — разве его цены назначаются из соображений справедливости? Может, двенадцать рублей за кило копченой колбасы нравственней, чем шесть? Или тысяча восемьсот за финский холодильник — высокоморальная акция? Боюсь, если к проблемам цен мы будем подходить с такими мерками, ничего путного не получится — привыкнем врать себе и друг другу, только и всего. Исключения есть из любых правил, но в основном стоимость товара определяют все-таки спрос и предложение.

Так по какой же причине хорошие помидоры на рынке так дороги, что один вид продавца вызывает у рядового покупателя почти классовую ярость? Мало их, вот и дороги. А почему мало? Артельное хозяйство развивали плохо, а приусадебное издергали бесконечными противоречивыми кампаниями — то поощряли, то пресекали, то призывали, то грозили. С конструктивными решениями запаздывали, да и те были половинчаты.

Так что частник с помидорами, что дороже ананасов, — общее наше порождение. И злиться надо не на него, а на себя.

В ЗАЩИТУ КОНКУРЕНТА

Обидно, когда хапуга наживается на нашей нужде. Но вот конкретный случай. В машинке, на которой я печатаю эти заметки, с полгода назад запала буква «а». Повез агрегат в мастерскую, что у Никитских ворот. Там поставили «а» на место, почистили машинку и взяли за все три двадцать — точно по прейскуранту. Вернулся домой, сел работать — и надо же, запала буква «а»! Утром вновь поехал в мастерскую. Показываю вчерашнюю квитанцию. «А, говорят, — это мы сейчас, погуляйте пять минут». Погулял. Исправили. Три двадцать. Дальше — диалог.

- Но за что? А у вас же вчера...
- То вчера, а сейчас сегодня.
- А чистили зачем два дня подряд?
- У нас любой ремонт с чисткой.
- А если и завтра сломается?
- Опять почистим.
- За три двадцать?
- За три двадцать.

Что оставалось делать? Писать жалобу? Скучное это занятие, да и без буквы «а» получится не «жалоба», а «жлоб». В общем, плюнул и... Как хорошо бы сейчас закончить: «...и пошел к частнику». Увы, не пошел. Частника по машинкам не знаю.

Ладно, три двадцать, или шесть сорок, или даже девять шестьдесят — это переживаемо. Но вот у приятеля отказал в машине генератор. Поехал в автосервис. Там говорят — надо менять, сейчас генераторов нет, но когда-нибудь будут, тогда и заменим, готовьте приблизительно рублей восемьдесят. Приятель, автомобилист опытный, пошел напрямую к электрикам. Один пожалел: снял генератор, что-то в нем приладил и поставил на место. За все хлопоты — десятка. Приятель потом не поленился, пошел к начальству — не жаловаться, а выяснять. Неужели, говорит, нельзя было починить генератор? А начальство ему: мы не чиним, мы только заменяем. Но ведь чинить, горячится приятель, выгодно! А в ответ мудро: это вам выгодней, а у нас план в рублях.

К чему я рассказал два эти случая? Вот к чему: к сожалению, государственное учреждение тоже может быть хапугой, наживающимся на нашей нужде.

Так что же, я за частника? Ну, конечно, нет. Не за торговца цветами и помидорами, не за сапожника, поколачивающего молоточком на дому, не за умельца с двумя отвертками в кармане. Я за государственную фирму, работающую на уровне века. Но я против того, чтобы государственной фирме слишком уж облегчали жизнь, убирая с глаз долой кустарно промышленящего конкурента, — оставшись даже без символического соперника, она, чего доброго, и не захочет работать на уровне века. Пусть уж лучше ведет с частником честную экономическую войну, пусть давит на него высоким качеством и низкой ценой, пусть учится у него довозить без гнили, чинить без очереди и мастерить без халтуры.

* *
*

...Ну, а как же все-таки с нетрудовыми доходами? Неужели они бывают только у воров, взяточников, должностных ловкачей, мастеров приписки и блага?

Вероятно, нет — существуют и иные способы наживать, не работая. Но их надо определить и четко сформулировать, ибо административная

и юридическая самодеятельность не искореняет беспорядок, а катастрофически увеличивает его.

В этой связи у меня есть конкретное предложение.

Когда на курортном юге милиция перекрыла фруктовые магистрали, тем самым опустошив рынки, она выполняла чей-то приказ. Когда владельца четырех колес и багажника сурово наказывали за то, что подбросил до дому бабулю с двумя чемоданами, инспектор ГАИ действовал тоже не самочинно — кто-то ведь отдал эти и подобные им решительные команды.

Так вот я предлагаю: поименно выявить товарищей, ухитрившихся Указ, направленный против вора и взяточника, повернуть против труженника, и их зарплату за время перегиба считать нетрудовым доходом.

Это будет вполне справедливо: ведь перегиб не только разорителен экономически — он приносит и моральный ущерб, который не измерить никакими деньгами.

1986

ЦЕНА ЛЮБВИ

— А докажите ценность любви, — сказала моя собеседница, симпатичная студентка двадцати двух лет.

Это весьма нестандартное предложение прозвучало и в обстановке нестандартной, о которой стоит рассказать подробнее.

В огромной Москве есть множество самых разнообразных компаний. Люди собираются вместе по сотне причин. Кто праздники отметить, кто в картишки перекинуться, кто коллективно помолчать у «телека», кто поболтать под магнитофон, кто просто провести вечер на людях, в тепле и уюте, кто с благородной целью свести под одной крышей десяток не слишком удачливых мужчин и женщин — авось кому и повезет.

Компании принято ругать — на мой взгляд, зря. Все они, видимо, хоть чем-то, да хороши, иначе люди, себе не враги, вместе не собирались бы.

Но компания, в которой я тогда находился, резко отличалась от помянутых выше. «Телека» не было, музыки не было, праздника не было, уют, если и был, не замечался, ибо собрались не ради него. Представьте: обычная московская квартира, не новая и не богатая. Человек пятнадцать — два психолога, социолог, физик, инженеры, преподаватели, музыкант, художник, переводчица, студенты. Что их объединяет? А вот что. Приблизительно раз в месяц они встречаются и целый вечер обсуждают ту или иную проблему. Диапазон почти безграничен: от новых теорий вселенной до психологических аспектов общения. Кто-то, наи-

более информированный, делает сообщение по теме, а затем вопросы, реплики, дискуссия. Вот такой симпозиум, только без президиума и стенографисток.

Зачем все это нужно музыканту или переводчице? Если вдуматься, нужно. Всесветно признано, что крупнейшие открытия делаются сегодня на стыке наук: биологии и химии, лингвистики и кибернетики и т. д. Это естественно — природа не позаботилась о том, чтобы строго и точно поделить себя между учеными советами отраслевых институтов. Правда, мои собеседники на великие открытия не покушались. Но, как теоретики и экспериментаторы ищут истину на стыке наук, так и мы, простые смертные, хотим того или нет, живем на стыке проблем. Достижения ядерной физики неожиданно и мощно влияют на нравственность молодежи, мир в семье вдруг рушится под воздействием рок-групп, названия которых растерянные родители не могут запомнить, а статья о гиподинамии заставляет задуматься человека, уже скопившего деньги на «Жигули». Кто угадает, на каком ухабе подбросит завтра судьба нашу сугубо частную жизнь, какие знания понадобятся срочно в поворотный момент? Так что вполне можно утверждать, что компания, к которой я на вечер присоединился, проводила время не только интересно, но и с пользой.

В это интеллигентное и любознательное общество я был приглашен не наблюдать, а работать. Тема — современная семья. Мне доверено сделать сообщение.

Польщенный и чуть-чуть испуганный непривычной ролью докладчика, я минут за двадцать изложил в общих чертах все, что думаю о современной семье. Диагноз тревожен. Исход неясен. Разводов множество. Выходы не очевидны и далеко не стопроцентны. Вполне возможно, что сейчас на наших глазах столь привычная форма человеческого общежития клонится к закату.

Я был предупрежден, что аудитория квалифицированная и недоверчивая, поэтому аргументы выбирал посильней и выражения тоже, следуя задаче сугубо прикладную — расшевелить слушателей. Но реакции не наблюдалось: вполне вежливая тишина. Потом, когда я кончил, кто-то спокойно сказал, обращаясь к одному из сидевших за столом, полноватому мужчине в спортивной курточке:

— Ну да, ты примерно так и излагал. Только выводы другие.

Тот согласился:

— Картина, в общем, совпадает. Вот прогноз...

— А какой у вас прогноз? — поинтересовался я.

Мужчина в курточке успокоил меня:

— Нет, нет, в общем, я со всем согласен. Действительно, семья распадается. Просто как социолог я оцениваю этот факт по-иному.

— Как?

Он улыбнулся:

— А ничего страшного. Вполне естественный процесс. Семья никуда не девается, она просто меняет форму. В Штатах, например, разводов не намного меньше, чем у нас, а, по статистике, восемьдесят с лишним процентов людей живут в браке.

— В каком?

— Во втором, в третьем... В одном из. С кем-то разошлись, с кем-то сошлись, но в каждый момент времени большинство живет парами, в семье. Практически мы идем к тому же.

— То есть меняются партнеры, а семья остается?

— Ну да.

Видимо, эта сторона проблемы в компании уже обсуждалась, теперь шел ликбез специально для меня.

— Это понятно, — сказал я, — когда касается двоих, нет проблем. Хотят — встретились, хотят — разошлись. Но дети — с ними-то как?

Этот вопрос особого интереса не вызвал. Мужчина в куртке пожал плечами:

— Видимо, с матерью.

— А если она кочует из брака в брак?

Мужчина вновь пожал плечами, но не ответил, замаялся. Зато молодая черноволосая женщина засмеялась и проговорила азартно:

— Кочуют вместе с ней!

— Разрастаясь в количестве?

— А что делать, — сказала она беззаботно, возможно, просто потому, что обсуждаемая ситуация от ее реальности была достаточно далека.

— А вы уверены, что им легко будет то и дело привыкать к новым папам?

Мужчина в курточке мягко возразил:

— Сейчас это, конечно, создает некоторые психологические сложности, потому что рядом есть иные семьи. А когда детям будет не с кем сравнивать, когда все будут жить так, это станет восприниматься как норма.

Кто-то заметил, что детей будет, видимо, воспитывать государство и проблема вообще отпадет. Были высказаны и еще кое-какие идеи: о молодежных кооперативах и т. д.

В общем-то все эти соображения я слышал и раньше, они меня не удивили. Удивило и озадачило другое: мои симпатичные, развитые собеседники относились к возможному краху столь привычной нам формы семьи так бесстрастно, будто речь шла — ну, допустим, о смене сезона. Да, осень, да, прохладно, да, дождливо. Зато виноград сладок и арбузы дешевы. Надень плащ и живи в свое удовольствие.

У меня шевельнулось сомнение: а может, мои тревоги преувеличены? Может, это просто гипноз сильных выражений: гибель, распад, крах? Сами произносим слова и сами пугаемся. Возьмите любую газету: чуть не ежедневно специалисты предрекают многочисленные напасти,

бьют во все колокола — а рядовой человек живет, как и жил, и под колокольный этот грохот спокойно радуется радостям бытия.

Засоряются реки? А пляжи полны, к мазутным пятнам на воде привыкли, прекрасно оттираются песком. Вырубается леса? Зато оборудуются новые зоны отдыха. Человечество вычерпывает из глубин последние канистры нефти? Плевать — атом выручит! Уровень шума в городах для человека невыносим? А человек не только выносит, но еще и сам врывает на полную все свои транзисторы, от души выплясывая под смертоносные децибелы...

Так, может, и распад привычной нам формы общежития вовсе не трагедия? Ведь как-то живем. Не та, так другая — какая-нибудь семья да будет. Повывелась белорыбица? Подумаешь — будем есть бельдюгу и пристипому!

Наверное, вид у меня был достаточно растерянный, потому что кто-то успокоительно спросил:

— А что вас, собственно, пугает в распаде семьи?

Я ответил, что дело не в прочности загсовского штампа, меня куда больше тревожит утрата очень дорогих человеческих отношений. Дружбы, любви, привязанности, взаимной заботы...

— У вас есть статистика?

Статистики у меня не было.

Мой главный оппонент решил мне помочь:

— Мы понимаем, вы писатель, а не ученый. Цифры не обязательны. Просто какой-нибудь пример, чтобы было понятно.

Я ответил, что вот уже лет десять провожу свое сугубо частное и вовсе не научное исследование. А именно — спрашиваю знакомых молодых людей об их жизненных планах. Ответы, в общем, однотипны. Образование. Утверждение себя в профессии. Семья. Ребенок, иногда двое. Квартира. Машина. Приличный уровень жизни. В общем, как правило, все разумно, реалистично, без фантастических запросов. Но — и это меня тревожит — любовь за редчайшим исключением в жизненные планы не входит. То есть от нее, конечно, не отказываются — но между серьезными делами, отнюдь не отождествляя с семьей, так, чтобы ни один пункт плана не пострадал. Выпадет — хорошо, не выпадет — не трагедия. Что-то вроде выигрыша в Спортлото.

На этот раз ответом мне была задумчивая (наконец-то!) пауза. Потом кто-то произнес:

— Да, пожалуй, так оно и есть. В основные планы любовь не входит.

— Вот то-то и оно, — сказал я, ободренный этой полуподдержкой, — в нашей жизни любовь занимает все меньшее и меньшее место. А дальше что? Процесс медленный — но ведь и мамонты вымерли не в один день...

Тут энергично вступила в полемику моя молодая соседка, студентка с целеустремленным лицом современной деловой женщины.

— Ну и что? — сказала она. — Да, любовь значит для нас все меньше. Но ведь мы отказываемся от нее не просто так, а во имя других ценностей. Свобода, например, материальная независимость, творчество, познание жизни, еще многое другое.

Я возразил:

— Но все это, вместе взятое, все-таки не любовь.

Вот тут-то она и возразила:

— Ну и что? А докажите ценность любви!

Есть такое выражение: внутренний голос. Так вот в тот момент я явственно услышал целых два противоречащих друг другу внутренних голоса: писатель во мне вскрикнул от восторга — вот это фраза, вот это формула! — а человек ужаснулся — бог ты мой, до чего же мы докатились...

Не помню, как я тогда отговорился. Доказать ценность любви в общем-то не сумел.

* *
*

Меньше всего хочу обвинять в чем-то мою симпатичную собеседницу. Наоборот, я ей благодарен: она выразила словами то, что, как говорится, давно уже носится в воздухе. Нравится нам это или нет, но то, что еще лет двадцать назад казалось казало аксиомой, сегодня потребовало доказательств. Ибо на невидимой бирже человеческих стремлений акции любви ощутимо упали.

Вот вам элементарный тест. Если бы предложили выбор: любовь или профессия, любовь или квартира, любовь или карьера, любовь или достаток — что бы вы ответили? Я вовсе не утверждаю, что вы отказались бы от любви. Но ведь заколебались? Да, даже самому себе приходится доказывать ценность любви.

Тенденция видна даже в мелочах. И в том, что эстрадные сладкопевцы все меньше налегают на лирику, а тексты их любовных стенаний все абстрактней и невыразительней. И в том, что традиционно прекрасная тема первой любви почти полностью ушла из поэзии. И в самой нашей лексике: раньше обызвательно говорили «любят друг друга», теперь уклончиво замечают: «живут». А самих любящих (как, впрочем, и не любящих) все чаще именуют демократичным термином «партнеры».

Самое обидное, что и мы, литераторы, делаем все от нас зависящее, чтобы поставить любовь на место. Если критик ругает книгу за мелкотемье, можно не спрашивать, про что она — все прочие темы одна другой крупней. Если редактор требует вдвое урезать «койку», только для непосвященного идея выглядит кощунственно, а бывалый автор мгновенно поймет, куда нацелен авторитетный карандаш. Возьмите годичную подшивку любого журнала — хоть какая-нибудь редколлегия постаралась

доказать ценность любви? В современной нашей прозе неземная страсть, как коверный в цирке, развлекает публику между серьезными «номерами».

* *
*

В классической литературе ее место было иным.

Правда, можно услышать, что это иное дело, ибо великие и любовь изображали не «приземленную», а исключительно великую. Но это совсем не так: они честно описывали и анализировали реальную жизнь со всеми ее противоречиями, от «Станционного смотрителя» до «Душечки» и «Ариадны». Великим был не масштаб предмета, а масштаб таланта.

Среди уроков гениев есть удивительные и даже загадочные.

Вот — Франция, начало сороковых, маленький городок в провинции, Иван Алексеевич Бунин. В мире война, а ему за семьдесят; по разным причинам жизнь может оборваться в любой момент. Время писать завещание.

А он пишет «Темные аллеи» — сорок рассказов о любви, книгу поразительную по искренности и силе.

Но почему именно — о любви?

Приятно вернуться в молодость, прикоснуться к дорогим воспоминаниям?

Наверное, было и это. Но для Бунина мотив все же мелковат. Я думаю, он писал не о самом приятном, а о самом важном, чему научила его долгая, бурная и трудная жизнь.

Он жил в эпоху войн и революций, привычный уклад то и дело разваливался, перестраивался и рушился вновь. Была возможность и понять, и проверить, что же именно даже в лютой шторм удерживает человека на плаву. И теперь Бунин бросал спасательный круг незнакомому потомку, который когда-нибудь, возможно, будет нуждаться в помощи.

Думаю, даже не тысячам, а миллионам людей успела помочь бунинская книжка о любви за эти сорок лет. Ибо топят нас в жизни разные, а спасает одно.

И еще загадка бунинской книги. Сорок любовных историй — и ни одной о счастливой супружеской любви! Ну, пусть бы просто о счастливой. Нет! Только случайности, мимолетности, драмы и печали, только начала без будущего. Едва успеют герои взяться за руки, прижаться кожей к коже — а уже рвет их друг от друга либо смертельная болезнь, либо выстрел ревнивца, либо чья-то недобрая воля, либо собственное легкомыслие, либо трагическая нелепость, либо вообще нечто неназванное: налетело, опрокинуло — и только обломки на воде.

Для современного критика-моралиста бунинская книга уязвима со всех сторон: и по части нравственности, и по части оптимизма. Мелкотемье, сплошь мелкотемье.

А ведь сам был счастлив в супружестве!

Чем же объяснить столь странную позицию классика, столь одно-стороннюю сюжетную ориентацию?

Трагическая эпоха диктовала трагические коллизии? Может, и диктовала. Но большие писатели не школьники и под диктовку не пишут, они полноправные соавторы эпохи. Думаю, все проще: счастливую, длинную в жизнь, любовь защищать не надо по той причине, что оппонентов не найдется. Такая любовь безоговорочно хороша, жаль только, встречается не часто. А Бунин написал о ценности того, что выпадает едва ли не каждому — выпадает, да ценить не умеем. Сколько злобных, ехидных, грязных слов придумано для неудачливой, неузаконенной, незащищенной любви!

Бунин перед уходом успел ее защитить.

Грамм золота — все равно золото. Короткая любовь — все равно любовь.

* *
*

Любовь часто называют слабостью («проявила слабость»), а умение переступить через нее — гордостью. Меня всегда интересовали люди, лишённые этой слабости, научившиеся надежно и безболезненно давить в себе любовь. С тревогой, даже некоторым страхом я следил за их судьбой — этим продуманным и холодноватым экспериментом на себе.

Правда, страх мой был не столько за них, сколько за остальное человечество, чьи слабости мне так понятны и дороги. Мне казалось, что у этих, не зависящих от эмоций, огромная фора на беговой дорожке жизни и со временем именно они будут диктовать любящим и потому слабым правила игры.

Теперь за человечество не боюсь: на множестве примеров убедился, что, как это ни парадоксально, на стайерской дистанции преимущество именно у слабых!

Когда-то я познакомился с парнем, казавшимся совершенно неуязвимым. Он был высок, светловолос, художав, с небольшими трезвыми глазами. Уж не знаю, от кого досталось ему романтическое имя Рафаэль.

Он был довольно способный, с неглубоким, но хватким умом. А главной его силой была как раз вот эта сквозившая в алюминиевых глазах трезвость.

В двадцать три года Рафаэль был полностью свободен от всех видов любви: к женщине, к другу, даже к родителям, хотя вполне приемлемо ладил со всеми. Он неплохо окончил институт, хотя техническую свою профессию не любил. И работал неплохо, хотя работу не любил. И писал вполне «публикабельные» стихи, хотя поэзию не любил. И не без успеха пробовал себя в журналистике, хотя журналистику не любил.

Быстро оглядевшись во взрослой жизни, он остановился именно на журналистике, точно просчитав, что техническое образование плюс гуманитарные наклонности — отличный шанс продвинуться. В любой редакции есть много работы, которая не дает популярности, не привлекает читателя, но, как выражаются на планерках, «тоже нужна». Рафаэль решил стать специалистом именно в этой «тоже нужной» сфере, где конкуренция перьев не слишком велика. Правда, и тут есть свои короли, способные сделать любой материал популярным и даже сенсационным, — но короли не любят административной работы. Рафаэль ее тоже не любил, но он не любил и творческую, и ему легко было из двух нелюбимых дорог выбрать ту, которая больше сулила.

При этом он вовсе не был человеком-машиной: легко приживался в новой компании, в меру интересовался девушками, имел много приятелей. Были люди, которых он высоко ценил, хотя именно ценил. И за добро он умел платить добром, хотя именно платить, как деловой человек, дорожащий репутацией фирмы. Меня поражало, как деловито, без иллюзий планировал он свое будущее.

— Годам к двадцати восьми, — говорил он, — сделаю карьеру. Не очень большую — но уже буду обеими ногами на эскалаторе. Дальше самому трудно, придется жениться.

— На ком?

— Пока не знаю. Уровень — примерно дочка замминистра.

— Тогда уж лучше министра, — возражал я без иронии, невольно втягиваясь в его логику.

— Нет, — отвечал он тоже без иронии, — на это не потяну.

— А потом?

Мечтателем он не был, поэтому равнодушно пожимал плечами:

— Там посмотрим. Зарываться не буду, но свое возьму.

К двадцати семи он заведовал отделом в скучноватой, но вполне солидной журналистской конторе, ему подчинялось около десятка человек. Уже были наработаны ценные связи и имелись вполне конкретные перспективы. Были люди, взявшие его в команду — он их поддерживал, они его тянули. Словом, все шло как намечалось, и удивляло только одно: о своих достижениях Рафаэль рассказывал не с радостью, не с гордостью, а с вызовом. Вызов-то чему?

Потом мы не виделись года четыре. А когда встретились, я его едва узнал. Куда девались подтянутость, энергия, напор! Располнел, обрюзг, глаза — как захватанный стакан алкоголя...

И — устойчивый запах спиртного.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Ничего.

Поговорили — и верно, ничего не случилось. Служба та же, ставка та же. Все то же, только инерция ушла.

— Но ты же собирался...

— А зачем?

— И на дочке замминистра?

— А зачем?

— Но ты же сам говорил: карьеру надо к тридцати пяти...

И снова в голосе озлобленность и вызов:

— А зачем?

...Сколько крепких мужиков, которым хватало и силы, и воли, сшибал с ног этот детский вопрос! А в самом деле — зачем?

Карьера? Но ведь это постоянная ответственность, труд, непрекращающаяся нервозность. А — зачем? Во имя нелюбимой работы? Или нелюбимого человечества?

Деньги? А — зачем? Чтобы тратить их на нелюбимых женщин?

Страшноватое это словечко.

А любящие таких вопросов никогда не задают.

Знакомая баскетболистка, чемпионка всех мыслимых соревнований, заслуженная и награжденная, как-то сказала мне:

— Так здорово, когда есть для кого играть!

Мне кажется, алкоголиками и наркоманами становятся не жертвы несчастной любви, а как раз те, кто не умеет любить. К рюмке или к сигарете со зловещим зельем они тянутся не с горя, а от пустоты, чтобы хоть раз ощутить то ощущение крылатости, которое любовь дает бесплатно и без ущерба для здоровья. К кому бы эта любовь ни была: к женщине, к детям, к родителям, к человечеству. Да хоть к собаке.

* *
*

Разобраться в проблеме тем сложнее, что сам предмет разговора очерчен неясно: поди разбери, где любовь, где не любовь. Недаром от нее под разными предлогами то и дело отлучают те или иные человеческие отношения.

Давно заметил: чем меньше человек сам способен любить, тем охотней прилагает он к слову «любовь» определение «настоящая».

Сын влюбился в женщину с ребенком? Сына надо спасать, это любовь не настоящая, а настоящая придет потом. Подруга влюблена, а я нет? Тем хуже для подруги, ибо она просто «гуляет» с соседским парнем, а вот я если уж когда-нибудь влюблюсь, так только по-настоящему.

И так далее.

Я неоднократно допытывался: а чем отличается любовь настоящая от просто любви? Похоже, вот чем: качеством. Просто любят кого попало, и исход отношений не угадать. А настоящая любовь всегда к стопроцентно достойному человеку, всегда стопроцентно взаимна и всегда увенчивается стопроцентно благополучным концом.

Лично я был бы безусловным сторонником настоящей любви, если бы кто-нибудь мог стопроцентно гарантировать эту тройную стопро-

центность. Хотя и в этом варианте было бы свое «но»: уж очень трусовата и корыстна эта самая «настоящая» любовь. За каждую израсходованную эмоцию она требует немедленной, а то и предварительной оплаты — достоинствами, взаимностью, благополучным финалом и т. д. Деньги вперед!

Как правило, даже в самых счастливых альянсах абсолютного равенства нет: каждый любит в меру своей одаренности. Так вот, с точки зрения «настоящей» любви, сильнее любит дурак: он отдает больше, чем получает, и, значит, его обманывают. Зато сильнее любимый всегда в барыше.

Эта установка на выгоду при окончательном расчете таит в себе немало беды. И не для беззаветно любящих: они-то как раз получают, что хотят, ибо хотят побольше отдать. А вот коммерсантам худо: постоянно считают, что затратили и что поимели, и каждый раз выходит, что недодало. Спруг недодал. Дети недодали. Друзья недодали. Страна недодала. Так и живут себе в убыток...

А все-таки, что это такое — любовь? На мой взгляд, суть понятия уложится в короткую фразу: «Хочу, чтобы тебе было хорошо». И — никаких дополнительных условий. «Нам хорошо» — это уже справедливая, но сделка.

* *
*

Когда в Западной Сибири ударили фонтаны большой нефти, их маслянистые капли растеклись радужными пятнами по северным рекам. Туда же попали и мрачные ошметки мазута. А рыбе для продолжения рода нужна лишь чистая вода. И серебристая семга, краса и гордость северных рек, заметалась: вековечный инстинкт вступил в противоречие с сегодняшним рыбьим разумом. Целые стада ушли с привычных нерестилиц. Семгу стали встречать в реках и речушках, куда прежде она никогда не заходила: хоть рыба и не человек, но, если нельзя где глубже, приходится искать где лучше...

Порой мне кажется, что сегодня любовь, как северная семга, полусознательно, полуинстинктивно нашаривает новые экологические ниши. Стремительно растущая цивилизация в чем-то помогает, от чего-то освобождает, от чего-то оберегает — но при этом теснит и теснит. Как и прославленной красной рыбе, никто не хочет любви зла — наоборот! Но разные жизненные надобности, энергично шуря локтями, выводят на первый план, отодвигают — и все сокращается среда обитания, превращаясь в среду выживания.

Как уцелеть любви среди всевозрастающего количества конкурирующих соблазнов?

Сами того не замечая, мы ставим на себе бесчисленное количество экспериментов, ищем новые формы отношений, достаточно гибкие

и жизнеспособные. В большинстве своем эти эксперименты вынуждены реальностью, не оставляющей иного выхода, — скажем, неполная семья. Но случаются и иные.

Об одном из них, романтическом и достаточно наивном, я хочу рассказать.

Как-то была у меня встреча со студентами журфака МГУ. Разговор получился долгий, шумный и откровенный. Заспорили, обстановка накалилась, и, в запале полемики, я сказал ребятам примерно следующее:

— Вы — будущее журналистики. Значит, просто обязаны пойти дальше нашего поколения, сделать то, на что мы не способны, понять то, чего мы не понимаем. А что получается? Разговариваем уже три часа, а вы меня ничем не удивили!

Прямо скажем, претензия эта была не слишком корректной: они пришли слушать, а не говорить, и задача удивить перед ними, в общем, не стояла. Тем более когда сидишь в зале, в тесноте, не так-то просто ни с того, ни с сего встать и удивить.

Короче, мой риторический упрек был встречен неопределенными улыбками и затерялся в гуще дискуссии.

Но когда подошло к финалу, когда ребята просто окружили меня уже без всякого порядка, сквозь эту толкучку протиснулась русая девушка с фотоаппаратом. С почти равнодушной уверенностью, не суетясь, не прося ни позы, ни улыбки, шагая прямо по столам, она отщелкала полпленки, после чего, отодвинув кого-то плечом, сказала:

— Мы хотели бы с вами встретиться отдельно.

Тут я разглядел ее получше. Волосы до воротничка, светлые спокойные глаза, тяжеловатые движения и не совсем стандартная экипировка: естественно, джинсы и распахнутая курточка (как бы униформа той поры) — но при этом широкий флотский ремень с тяжелой пряжкой, при этом лыжные ботинки с грубым рантом, при этом в распахе курточки обычная матросская тельняшка. Все это обмундирование сидело на ней органично, как на трудном подростке послевоенной эпохи.

— Кто — мы? — спросил я.

— Вот мы, — уточнила она, — мы четверо.

Она небрежно показала большим пальцем куда-то за спину, и я увидел, что и в самом деле она как бы острие небольшой обособленной группки.

— Ладно, — сказал я, — позвоните и приходите в гости.

— Напишите, пожалуйста, телефон.

Я зашарил по карманам — как всегда, когда нужно, бумаги не было ни клочка.

— Напишите вот здесь, — буднично сказала девушка и протянула футляр от фотоаппарата, новенький, гладкой кожи, с мягким малиновым нутром. Жест, прямо скажу, был королевский.

Я заколебался — с детства боюсь хороших вещей.

— Вот здесь,— невозмутимо повторила девушка, и я осквернил нежную фланель чернильными каракулями.

Через день она позвонила, через два все четверо сидели у меня.

Познакомились: Оля (в той же тельняшке, куртку сняла), Жанна, Ваня, Гена. Я вопросительно смотрел на ребят.

— Видите ли,— сказал Гена и замаялся.

— Давай,— подтолкнула Оля.

— В общем,— проговорил худенький Гена, самый из них молодой,— вот вы тогда сказали...— Он смущенно улыбнулся и закончил: — В общем, мы хотим вас удивить.

— Давайте! — подхватил я с не совсем искренним энтузиазмом: я хозяин, они гости, ребята симпатичные, надо бы удивиться.

Гена посмотрел на своих.

— Ну, кто будет говорить?

— Говори ты,— отозвалась хорошенькая Жанна. У нее были широкие скулы, узковатые восточные глаза и неправдоподобно нежная кожа.

Честно говоря, мне было жалко ребят. После такой подготовки, после телефона на подкладке футляра, после тельняшки и лыжных ботинок с рантом, после торжественного прихода вчетвером — ну что они смогут сказать?

— Мы — семья,— сказал Гена и снова улыбнулся.

— Вы — и...? — попытался уточнить я, поочередно указывая глазами на девушек.

— Нет,— качнул головой Гена,— мы четверо.

— То есть, двое и двое?

Он опять улыбнулся — теперь моему непониманию — и объяснил:

— Мы все четверо — одна семья.

Делать удивленное лицо мне не пришлось: само сделалось.

— Постойте, братцы,— пробормотал я,— давайте-ка по порядку.

У кого с кем из вас роман?

— Ни у кого ни с кем.

— И не было?

— И не было.

— Просто собираетесь пожениться, да? — предположил я в уже полном недоумении.

— Нет.

— Тогда почему вы — семья?

— Семья,— сказал худенький Гена.

Теперь они улыбались вчетвером.

Не хотел бы я в тот момент увидеть себя в зеркале...

Ваня — он был чуть постарше, но солидный, с чеховской бородкой — решил меня пожалеть:

— Мы хотим всю жизнь прожить вместе. Вчетвером.

— Как братья и сестры, что ли?

— В общем, да.

— А почему называете — семья?
— Ну, а братья и сестры — разве не семья?
— А-а... Ну, да, — кивнул я. Состояние было как при сотрясении мозга. — Стойте. Но ведь вы молодые. Так сказать, возраст любви... Неужели ни у кого ничего?

— Да нормально, — успокоила Оля, — у всех все.

— На стороне, что ли?

Это пошлейшее «на стороне» в данном случае прозвучало совсем уж нелепо.

— Естественно, — мягко ответил Ваня.

— А если кто-нибудь серьезно влюбится? Захочет... — Слово «жениться» вовремя застряло у меня в глотке, я наспех заменил его слащавым эвфемизмом — не расставаться?

— Пускай.

— А как же...

— Ну и что? — сказала Оля скучным тоном, — приведет, покажет.

Если понравится, возьмем в семью.

— А не понравится?

— Тогда у них будет просто роман.

— А если ребенок?

— Будет наш ребенок, — сказала Жанна, — все дети будут наши.

— И давно у вас такая идея?

— У нас не идея, — возразил Гена, — у нас семья. Уже третий год семья.

— И не ссорились?

— Все четверо? Конечно, нет. Двое повздорят, остальные помирят.

Я ухватился за сомнение, лежавшее на поверхности:

— А распределение? Ведь через год вас раскидают по разным местам. Что тогда?

— Будем проситься вместе.

— А не согласятся?

— Мы уже думали, — сказал Ваня, — отработаем по два года и съедемся. Семья есть семья.

— Хорошо, — кивнул я, подчиняясь этой странной логике, — пусть семья. Но куда вы съедетесь-то? Где будете жить?

— Купим избу под Москвой. Когда-нибудь потом выстроим кооператив.

— А как возникла эта идея, жить семьей?

— Сперва было вроде игры, — объяснил Гена, — отец, мать, дети.

А потом как-то постепенно дошло, что мы и в самом деле семья. Никто не будет понимать нас лучше, чем мы друг друга.

— Но ведь можно... — неуверенно начал я.

— Нельзя, — мрачно проговорила Оля, — начнется ревность, обиды, скандалы, все прочее. Мы так не хотим.

— Да, — кивнул Гена, — лучше жить семьей, но оставаться друзьями.

— Ясно,— сказал я,— давайте-ка, братцы, пить чай.

А что мне еще оставалось сказать?

Ставить чайник и ждать, пока он закипит,— занятие великолепное хотя бы потому, что на это нужно время. Я уже оправился от шока и помаленьку начал думать.

А в самом деле, думал я, почему бы и нет? Почему нельзя-то?

Ну с чего мы взяли, что семья — это обязательно он и она с детьми? Да, в эпоху малометражных квартир, шума городского, разобщенности, усталости и телевизоров сложилось именно так. Но кто сказал, что и в будущем человек должен жить так и только так? Кстати, в нашей стране веками существовали иные семьи, большие, разветвленные. Не факт, что так жить нужно. Но раз существовали, значит, так жить можно?

И разве большая традиционная семья держалась только на браке да кровном родстве?

Родители и дети — ладно. Ну, бабушки и дедушки. А остальные? Многочисленные братья и сестры, дяди и тети, зять, невестка, золовка, шурины, свояк, сват, крестный...

Люди охотно роднились, добровольно брали на себя пусть не тяжкую, но все же ответственность за весьма дальнего родича. Могли и любить друг друга, и не слишком жаловать, но бросить в трудную минуту даже незнакомого родственника никогда и нигде не считалось доблестью.

Но неужели пятилетнее студенческое братство, неужели тесная, проверенная дружба имеет меньше прав и обязанностей, чем случайное и весьма отдаленное родство, скрепленное разве что собутельничеством за чьим-то свадебным столом? Неужели связи между, допустим, свояками крепче и справедливей, чем между этими четырьмя ребятами?

Сводный брат справедливо считается братом: гены разные, но росли-то вместе! Однако и с соседом по парте росли вместе, и связано с ним не меньше, чем с любым родственником. И однокурсница, с которой не было ничего, кроме щедрой и сладкой студенческой дружбы, иногда на всю жизнь становится практически сестрой, первой советчицей и помощницей, человеком, с которым связывает взаимная ответственность покрепче родственной. Мы, к сожалению, привыкли к разнообразным семейным изменам и предательствам, но попробуйте представить предательство фронтового друга! Дико, немислимо...

Названный брат, названная сестра — когда-то существовали такие понятия. Теперь почти исчезли.

Не жалко ли?

Я думал: а ведь, пожалуй, вот такой необычной, как у этих ребят, большой семье будут не страшны многие беды семей нынешних. Причем беды, в которых сами супруги не столь уж и виноваты. Просто слишком много обязанностей лежит на нашей семье.

Как в любом, даже самом крохотном государстве должно быть все положенное, от почты до армии, так и в любой семье из трех человек все равно существует незримое штатное расписание с множеством должностей. Добытчик нужен? Прежде всего — без денег не проживешь. Повар? А как же! Педагог-воспитатель? Естественно, раз ребенок. Экономка? Иначе никаких денег не хватит. Умелец? Так ведь не бегать с каждой мелочью по мастерским. Массовик-затейник, или, по-современному, диск-жокей? Без него нельзя — заскучают. Человек с сильным характером? А кто иначе будет решать? Человек с мягким характером? А кто иначе будет мирить?

Список можно продолжать и продолжать. А всей-то рабсилы на обширный штат — он да она.

Нет, четверо лучше, чем двое, в большой семье легче наладится разделение труда...

В обычной семье, думал я, любая крупная ссора сразу ставит людей на грань развода — ведь живут нос к носу, некуда расползтись, отлежаться, успокоиться. А в большой семье даже большая ссора всего-навсего с одним из пятерых или семерых, и расходиться вовсе не обязательно.

Наконец, такой странной семье не страшны никакие демографические парадоксы, тут можно не подсчитывать процент «женихов» и «невест»; ведь в такой семье может быть любое соотношение мужчин и женщин. Безумские матери, возможно, сохраняются и здесь — а вот безотцовщины не будет!

Я вдруг вспомнил: а ведь нечто подобное я уже встречал. Ну, конечно — степь, водохранилище, небольшой городок, огромная стройка, сестры Тунгусовы. Совсем, как у Чехова, три сестры.

Две из них были врачи, третья кончала институт, тот же, что и старшие. Их дом (обычная квартира в панельной пятиэтажке) в городке был известен и даже знаменит. У сестер Тунгусовых собирались по праздникам, по субботам, по случаю приезда в город интересных людей и просто так, во имя роскоши человеческого общения. И все было по высшему классу: дом скромный, стол скромный, общение роскошное...

Культурные события городка не обходились без сестер: на выставках, спектаклях, «капустниках» они были если не участниками и организаторами, то уж желанными гостями точно. С ними советовались начинающие режиссеры, их тройственные портреты писали местные художники, с ними городской архитектор обговаривал свои планы. Замечательная была семья.

Из троих замужем тогда была лишь младшая. Муж ее, рослый красивый парень, легко вошел в уже сложившуюся компанию и без ревности воспринимал, что квартира, где теперь обитал и он, по-прежнему именовалась домом сестер Тунгусовых.

Помню, я долго пытался у младшей, не сложно ли ей, теперь замужней, вместе с сестрами. Она пожимала плечами и доказывала, что, наоборот, так лучше: всегда помогут, подменят, поддержат.

— И не ссоритесь?

— Нет.

— Но бывают же конфликтные ситуации?

— Конечно, — сказала младшая Тунгусова, — но ссориться вовсе не обязательно. Когда люди любят друг друга, они не ссорятся, а спокойно выясняют отношения...

Эту формулу я запомнил, она мне очень нравится — хотя сам я, увы, следовал ей не всегда...

Но ведь если, думал я теперь у себя на кухне, не совсем обычной, но прекрасной семьей могут жить сестры, то почему не могут друзья? Конечно, подобная семья вовсе не заменит нашу обычную парную, но, может, в чем-то дополнит ее?

Чайник закипел — кончилась и моя пауза на размышление...

— Ладно, ребята, — сказал я, — удивили. А избу присматривали?

— Я ездила, — отозвалась Оля, — найдем.

— Ну, и сколько она стоит?

— Полторы-две тысячи.

— А деньги где возьмете?

— Пока неясно, — сказал Гена, — с этим у нас сложности.

— Раз так, братцы, — сказал я, — вступаю в ваше предприятие. Зимой выйдет книжка — гонорар на избу. Буду приезжать в гости. Возьмете в компанию?

Парой шуток скрепили соглашение...

Сколько же лет прошло с тех пор? Десять? Двенадцать?

Потратиться на избу мне, к сожалению, не пришлось.

Через полтора года ребята окончили университет. Все их «семейные» планы были в силе. Но решали не они, а комиссия по распределению, которая желание работать вместе не учла — да и на каком основании стала бы учитывать? Так и разметались ребята, кто куда, как в бурю кораблики.

И через два года не смогли они собраться все вместе. Прежде всего потому, что «всех» уже не было — трагически, в уличной катастрофе, погиб Ваня. Да и два года разлуки — немалый срок для любой семьи. Девушки вышли замуж, работают, рожают детей. Обе счастливы — то ли мужья попались хорошие, то ли оказалась выучка той, еще студенческой «семьи». Гена живет в Москве, и у него все сложилось, доволен и семьей, и работой.

Время от времени мы с ним встречаемся, вспоминаем романтическое прошлое с той их удивительной идеей. Вроде бы не о чем жалеть, и без того все вышло удачно, а жалко. Переписываются, встречаются, дружат семьями, а той семьи все же нет, распалась семья. Плывут кораблики, с волнами справляются, но каждый сам по себе.

Я вот думаю: случись какая беда, успеют ли друг к другу на помощь? Слишком малы кораблики, слишком разбросаны в море жителейском.

Ладно, будем надеяться, никакая беда моих знакомых не подстержет, никакая помощь не понадобится.

А еще я пытаюсь понять: что же тогда у ребят было? Инфантилизм, возвышенная игра, наивное желание подольше задержаться в веселом и справедливом студенчестве? Или — прозрение, пророчество действием, самобеглая коляска полуграмотного умельца, потешный полк юного Петра? Прорыв в будущее, для которого на этот раз просто не хватило энергии и уверенности?

* *
*

Сумел ли я хоть частично доказать ценность любви? Не знаю — задача оказалась сложней, чем я предполагал. Так, может, стоит воспользоваться правом, предоставленным мне собеседниками в компании, с которой начался разговор — плюнуть на логику и просто рассказать о человеке, которому не надо доказывать ценность любви?

Этот человек прислал мне письмо, которое приведу полностью. «Пишу вам впервые, никогда не писала незнакомому человеку. Но очень надо посоветоваться.

Мне семнадцать лет, в этом году я заканчиваю десять классов. Полгода назад я познакомилась с парнем, ему 29 лет. У него есть (была) жена и маленькая дочка. Но жена ушла от него, дочку оставила с ним. Ему очень трудно, днем на работе, а ночью приходится делать дела по хозяйству. И я решилась, приходила к нему, помогала, чем могла. Забирала Леночку из яслей, готовила, стирала. Вообще все, что могла.

Но деревня гудела, как муравейник, мне стало стыдно появляться на улице, а в школе учителя меня просто возненавидели. Дома с родителями постоянно были конфликты, но я ничего и слушать не хотела.

Тогда мама сказала: или он с дочкой, или мы, родители. Я испугалась уйти из дому и перестала к нему ходить.

Но тут с ним стало очень плохо. Я никогда не думала, что он будет пить, раньше он и в рот не брал, а тут стал приходить домой выпивши, за девочкой не следил, он потерял интерес к жизни. Он начал жить без цели.

Я не выдержала и опять вернулась к ним. Но он об этом и слышать не хочет. Нет, он любит меня, но говорит, чтобы я не приходила, не хочет, чтобы я мучилась из-за него. Но я твердо решила: что бы то ни было, как бы ни пришлось жить, я их не брошу.

Пить он не стал, меня уже не гонит. Но он стал молчать, замкнулся в себе, постоянно думает о чем-то. Но все равно я не уйду, я верну его к жизни, хотя бы постараюсь. Закончу школу, и мы втроем уедем, обязательно уедем.

Только вот меня постоянно мучает вопрос: может, я не права, может, как говорит мама, он и без меня разобрался бы в своей жизни, а я только калечу себе жизнь, а ему все равно не помогу?

Посоветуйте, пожалуйста, как мне быть.

Удмуртская АССР. Надежда К.»

Издалека, из начала века к нам долетела дурашливая песенка, начинающаяся вопросом, который и я хотел бы сейчас задать: «Девочка Надя, чего тебе надо?»

Та Надя, из песенки, отвечала четко и в рифму: «Ничего не надо, кроме шоколада».

Ну, а наша Надя из письма? Нашей Наде шоколад явно не светит. Никакого расчета на сладкую жизнь впереди. Нашей Наде плохо. Дома плохо, в школе плохо, любимый то гонит, то молчит. Девочка пытается хоть как-то наладить свою и чужую жизнь — деревня смотрит на нее в сто пар недобрых глаз, каждый, как амбразура. И на все эти амбразуры девочка Надя ежедневно ложится грудью.

При этом удовольствия или, как теперь выражаются, кайфа в Надиной любви, прямо скажем, мало. На необоримую страсть в письме и намека нет: тогда бы написала, что не может без него жить. Нет, тут иное — жить может, да не может видеть, как он мучается. Надин кайф — забрать чужую дочку из садика, сварить, подмести, постирать. Вот такая у девушки любовь — носом в корыто.

«Докажите ценность любви!» — азартно предложила мне московская студентка. Не знаю, можно ли доказать ценность Надиной любви, но вычитать ее можно и довольно точно.

Значит, так:

1. Родительский дом (выгнали).
2. Симпатия учителей (утрачена).
3. Репутация в округе (лучше не вспоминать).
4. Родная деревня (придется уехать).
5. Ясное будущее под защитой старших (лучше не загадывать!).

Вот ведь как дорого заплатила девочка Надя за свою, носом в корыто, любовь!

Говорят, что нынешняя молодежь сплошь прагматики, без выгоды не делают и шага. Не буду спорить, пусть прагматики. Пусть и наша Надя — прагматик. Вот только хорошо бы отыскать, в чем ее выгода. Ведь не за так взвалила она на слабенькие плечики обломки чужой семьи!

Нет, не за так. Была корысть. Я даже догадываюсь, какая.хлопот ей мало — вот в чем дело. Мало ей хлопот!

Ведь раньше за одну себя голова болела. А теперь — за троих. Выгода, да еще какая.

Думаете — шучу? Нет, ирония тут ни при чем. Просто я давно знаю, а девочка Надя, видимо, вовремя сообразила, что в подкладке почти всяких хлопот лежит радость. Любимый человек мрачно молчит — Наде больно. Ну, а если вдруг оживет, встанет на ноги, улыбнется? Кому радость? Ей — Наде. Дочка Леночка когда-нибудь притащит из школы первую пятерку — к кому кинется с порога с великой вестью?

Видите, не так уж девочка проста, своего не упустит. Раньше могла рассчитывать на одну радость, а теперь сразу на три. Чем не выгода?

А еще я думаю вот о чем: почему девочка Надя прислала мне письмо без обратного адреса? Почему отрезала пути для конкретной помощи? Даже имени ни одного не назвала, кроме Леночки, а Леночек в Удмуртии тысячи. Почему?

Я так полагаю — из любви. Ведь не чужие люди портят ей жизнь! Мать гонит из дому, а Надя ее любит. Учителя травят, а она обижается, но любит. И бурлящую сплетнями деревню любит — это ее родина, другой нет. Вот и не хочет Надя всех их, жестоких, но любимых, позорить всесветно, предпочитая в одиночку противостоять таким несправедливым напастям.

И еще тревожит меня один вопрос: а я сам вот так, как Надя, смог бы? Все, что имею, бросить в костер, чтобы близкому человеку стало хоть чуточку теплей?

Не знаю. Не уверен. Может, и не смог бы.

Так что, пожалуй, у Надиного письма есть и дополнительная, ею не продуманная, но мне-то понятная цель: напомнить мне, что я тоже человек и что душа, горящая вполнекала, постепенно становится дряблой, как мышцы у бездельника...

Мы собираемся вечерами, пьем чай, в порядке самообразования спорим на интересные темы, разя чужие аргументы своими доводами, а тем временем где-то в Удмуртии девочка Надя ведет свой упорный, свой неравный бой — доказывает ценность любви. В общем-то, за всех нас бьется.

Хоть бы победила!

1986

РЕПЕТИТОР

Говорят, самый большой расход на выросших детей — свадьба. Не уверен: перед брачным таинством по крайней мере не нанимают репетиторов...

Даже в приличный шторм на берегу замечательно: стоишь на крепких ногах на прочной земле и независимо поглядываешь на буйство стихии. Даже в приличный шторм в море неплохо: волны опускаются

и поднимаются, набухают барашками, но опытный пловец всегда успеет и нырнуть под гребень, и глотнуть влажного воздуха. Однако между берегом и морем есть неясное, коварное, грозное пространство, где разбиваются волны. Тут все по-иному — ни прочности, ни ритма. Хочешь в море — тебя отбрасывает на берег, хочешь выйти — тебя тащит в море. Чуть зазевался — и швырнет на камни, и навалится сверху медвежья тяжесть волны. Именно здесь, в десятке метров от твердой земли, чаще всего гибнут в шторм люди. Гиблая полоса!

Почему-то именно это хаотичное пространство между двумя отчетливыми стихиями вспоминается мне, когда заходит разговор о приемных экзаменах в вуз. В школе все прочно и, в общем, справедливо: за десять лет каждый успел себя показать, случайности минимальны, любая пристрастная оценка сразу бросается в глаза. В институте тоже случай не господин: пять лет на глазах широкой общественности — вполне достаточный срок для торжества справедливости. Но между школой и вузом шумит, беснуется, отбрасывает и топит абитуриентов гиблая полоса прибоа...

На выпускные экзамены в школах и институтах жалоб, в общем, немного: количество недоразумений в пределах приличия, чего стоишь, то и ставят. После приемных экзаменов в самых разных инстанциях писем лопатой не разгребешь. Причем жалуются не только на неверную оценку — под сомнение ставится сама система приема. Тех ли берут в студенты? Перед теми ли опускают шлагбаум?

Пожалуй, наиболее часто возникает в письмах и разговорах два момента. Во-первых, почему не учитывают любовь к будущей профессии, почему даже маленькой гирькой на весы не ложится призвание? Во-вторых, не превращается ли постепенно конкурс абитуриентов в конкурс репетиторов? Почему ничего не предпринимается, чтобы исключить такой, например, вариант: парень, с детства бредящий геологией, остается за дверью вуза, а тихий отличник, которому в принципе все равно, куда было идти, но набравший всего на один балл больше, зеленой улицей проходит в геологи. А если и этот балл — пусть хоть три! — он набрал лишь благодаря своевременной помощи репетитора? Где справедливость?

«Кто нужнее делу, равнодушные зубрилки или самоотверженные романтики?», — спрашивает молодой человек, в прошлом году недобравший полбалла в любимый вуз. «Репетиторство, этот новый и пока что не очень распространенный вид рвачества, нужно вырвать с корнем, оно оскорбляет чувства честных преподавателей», — требует преподавательница с пятнадцатилетним стажем.

Не очень распространенный? Объявлениями репетиторов не только щиты, столбы оклеены. Опросил наугад десяток новых и прошлогодних абитуриентов — услугами репетиторов, хоть в малой степени, пользовались все. Нет, репетиторство не пресловутый «отдельный недостаток»,

это растение пустило крепкие побеги. Надо его вырывать с корнем или нет, но разобраться в нем, думается, необходимо.

Вот конкретная история.

В прошлом году из Якутска приехал в Москву с аттестатом зрелости молодой человек семнадцати лет. Средний балл был — чистая «пятерка». Поступал он в медицинский, остановился у родственников, имевших некоторое отношение к намеченной им профессии.

После первой же консультации сосед по столу спросил, сколько он занимался с репетиторами. Узнав, что нисколько, расхохотался. И ты на что-то рассчитываешь?

Московские родственники, услышав про это, засуетились и срочно нашли нужных преподавателей. Репетиторша по физике поговорила с парнем полчаса и сказала, что подготовлен он хорошо, лишние деньги она брать не хочет, максимум, в чем он нуждается, это три-четыре занятия. Репетиторша по химии заниматься с отличником из Якутска вообще не стала, просто посоветовала, на какие разделы химии обратить особое внимание. Репетитор по биологии, погоняв парня по всему материалу, сказал, что нельзя терять ни дня: школьник-отличник знал лишь четверть того, что должен знать перспективный абитуриент. Два урока в неделю — это минимум, и то при условии добросовестной работы дома.

Репетиторы были хоть и через третьи руки рекомендованные, но их порядочность под сомнение не ставилась. Парень сделал все, что посоветовали. По химии подготовился сам и получил «пять». По физике взял четыре урока и получил «пять». По биологии дважды в неделю ходил к репетитору, отдал ощутимую сумму, добросовестно занимался дома и получил «четыре». Этих баллов хватило — в институт попал.

Кто же из репетиторов был рвач и жулик?

Увы, задачка эта не в одно действие. Жуликом не был никто, все трое сказали правду. И репетитор-биолог сделал все, что мог. Просто у школы, поставившей нашему абитуриенту высший балл по биологии, были свои требования, у института, поставившего после шлифовки репетиторством всего четверку, — свои. Разность требований юный якутнин и вынужден был оплатить из родительского кармана. Вправе ли приемная комиссия института так много хотеть от поступающего?

И еще вопрос. Наш абитуриент вовремя вышел на нужного репетитора и в институт попал. Учится, кстати, прекрасно. Но ведь кто-то другой, с репетиторами не занимавшийся, не попал! Так почему же судьбу вчерашнего школьника во многом определяет не его школьная подготовка, у всех по одной программе, а новая, неожиданная, неофициальная, но так много значащая инстанция — репетитор? Разве это справедливо?

А если так, то не пора ли, как предлагает читательница, — «с корнем»?

Но прежде чем ответить на эти, столь часто задаваемые вопросы,— еще одна история.

Недавно, зимой, в одном из южных российских городов трагически погиб мой друг, человек большого таланта и редкого юмора. Под поезд он не попал и на бандитский нож не напоролся. Он просто заболел, лежал в гостинице с высокой температурой. Предварительный диагноз был перитонит. Отвезли в больницу, сделали полостную операцию. Перитонита не было. Человека нет. Человек умный, добрый, так много обещавший, лежит на Митинском кладбище, и это самая большая несправедливость, какая только может быть на земле.

Я не призываю судить и наказывать, прошу задуматься. Ведь хирург, сделавший роковую ненужную операцию, отнюдь не изверг, он хотел лучше. Ему просто не хватило профессиональных знаний. Вполне возможно, он шел в медицину по призванию, оплаченную помощь гордо отвергал, школьные недоработки пытался в институте устранить самостоятельно, и, пока подтягивал эти хвосты, чего-то недоучил по теме «перитонит». Но скажите: если бы врачу, не сумевшему отличить воспаление брюшины от вирусного «желудочного» гриппа, задним числом можно было бы нанять дорогих репетиторов, неужели бы мы поскупились?

Вот совсем свежий пример: в схожей ситуации из-за ошибки в диагнозе погиб мальчик. Больничное начальство получило выговор. Двух хирургов, непосредственно виновных в трагедии, отправили на курсы повышения квалификации. А что это за курсы? Да, по сути, то же репетиторство, и тоже очень дорогое, только платит за него государство. Так не лучше ли к слабому хирургу приставлять репетитора пораньше, загодя, до роковой операции?

К сожалению, вопрос о справедливости не так прост, как хотелось бы. Больному, лежащему на операционный стол, в общем-то все равно, как и у кого получил свои навыки хирург, главное, чтобы эти навыки были.

Проблема, о которой идет речь, отнюдь не медицинская: любая недоученность, хоть в малой мере, да угрожает человеческой жизни. Что может быть страшней теплохода, построенного неумелым корабелом? Разве что мост, спроектированный умельцем, недоосвоившим сопромат...

Мне кажется, говоря о реальных сложностях и противоречиях вступительных экзаменов, мы порой подходим к делу не с того конца. Самое главное, неоспоримо главное, необходимо главное — чтобы из наших вузов выходили только профессионально оснащенные, знающие свое дело мастера. Недочка с дипломом не просто социально бесполезен — он социально опасен. А разве такие недоучки редкость? Вот недавний знакомый строитель зло пожаловался: «Черт знает что! Каждый год присылают полуграмотных специалистов!» Вдумайтесь только в это изуверское словосочетание: полуграмотный специалист!

Откуда же берутся непрофессиональные профессионалы? Никакой загадки тут нет: из серых студентов. А серые студенты? Из слабых абитуриентов. Поэтому самое справедливое, с точки зрения общества, — чтобы ни один плохо подготовленный абитуриент в вуз не попадал, как бы высоки ни были его прочие качества. Хороший и честный человек, если ему «натянуть» диплом, объективно станет жуликом, выдающим себя за специалиста, которым он, по сути, не является.

Поэтому, думаю, правы приемные комиссии вузов, требующие с абитуриентов по максимуму: их долг — отобрать лучших, самых знающих. Независимо от того, где эти знания получены, в школе или у репетитора. Да, разумеется, жизнь сложна, и система приема должна быть гибкой. Но уровень знаний — это тот рубеж, за который отступать нельзя.

Ну, а любовь к профессии, призвание, талант, наконец, как быть с этим?

Знакомый заведующий кафедрой с двадцатилетним опытом преподавания высказался определенно:

— Когда я работаю в приемной комиссии, на любовь мне плевать, на талант плевать. Только проходной балл!

Замшелый чиновник, равнодушный к живому делу? Не будем торопиться, выслушаем его аргументы. А они приблизительно такие.

Ни любовь, ни талант взвесить нельзя. Полагаться на общее ощущение от абитуриента рискованно и даже не порядочно: вдохновенная горячность вполне может быть качеством поверхностного болтуна, а за внешним безразличием порой скрывается глубочайшая надежность. Любит профессию, бредит ею с детства? Но почему любовь не воплотилась в конкретные знания? Видимо, парень просто ленив. Пусть меньше бредит и больше занимается. Вообще, экзаменационная оценка — это как бы равнодействующая нескольких сил: одаренности, трудолюбия и характера. И в спорте есть люди более или менее талантливые, но разряд-то им дают не за талант, не за старание, а только за результат!

Есть в этих рассуждениях резон? Никуда не денешься — есть...

А теперь вернемся к репетиторам. Кто они? Рвачи? Вероятно, не без этого. Полезные работники, поставляющие институтам более подготовленных абитуриентов? И это есть: видимо, большинство репетиторов — люди добросовестные и знающие, иначе их выученики не попадали бы в институты, и спрос на их услуги увял бы сам собой. Так что сегодняшний репетитор — сразу и пират и спасатель в гиблой полосе прибрежья между двумя стихиями, между школой с ее ограниченными возможностями и институтом с его высокими требованиями. Снизить требования к поступающим нельзя. Повысить возможность школы? Необходимо! Но когда это будет? А студентов приходится набирать каждый год.

Если смотреть на вещи трезво, похоже, без репетиторства в той или иной форме в ближайшие годы не обойтись. Так что это явление,

где польза мешается с корыстью, а добросовестность с авантюризмом, развивается отнюдь не по случайному недосмотру каких-то зазевавшихся ведомств...

Более того, мне представляется, что в пику бурно развивающемуся частному репетиторству важно, не откладывая, развивать качественное и конкурентно способное государственное репетиторство — при вузах, как это делают во многих городах, при фирме «Заря», как это практикуют, например, в Симферополе, в иных вариантах. И при этом держать такой уровень, чтобы вытеснить с рынка знаний рвача и калтурщика, торгующего разумным, добрым и вечным почти монопольно.

Есть еще одна деталь, которую не обойдешь. Репетитор дорог. Государственный репетитор, естественно, куда доступней, но и он стоит денег. Тем более что во имя удешевления раздвигать группы подготовки до размеров целого класса вряд ли целесообразно — упадет качество работы. Сама по себе платность этого дела сомнений не вызывает: преподавание — нелегкий труд, а труд, естественно, оплачивается. Вызывает сомнение иное.

Говорят, что в самой системе репетиторства есть определенная несправедливость — и она действительно есть. Да, обществу нужен только хорошо подготовленный абитуриент. Но шансы на хорошую подготовку у ребят разные. Городская школа или сельская, сильный учитель или слабый, требовательный завуч или равнодушный — и вот из одинаковых, в общем, ребят кто-то получает фору, а кто-то отстает. В принципе репетиторы и могли бы сnivelировать эти различия, устранить несправедливость. А они ее, увы, увеличивают. Ибо возможность заниматься у хорошего специалиста очень уж зависит от родительского кошелька. Кто в силах купить отпрыску двадцать занятий в месяц, кто с трудом наскребет на пять, кому это роскошество вообще не по карману.

Незаработанные деньги помогают натаскать лентяя, дают ему преимущество перед более одаренным, более трудолюбивым, но менее обеспеченным ровесником. Нарушается драгоценный принцип равных возможностей.

Можно ли его восстановить без ущерба для общества, не жертвуя главным — уровнем знаний абитуриента?

Без малого пять веков назад великий англичанин Томас Мор выпустил роман «Утопия», породивший массу подражаний и как бы открывший жанр. Слово, некогда будоражившее умы, ныне звучит почти иронически — нечто наивное, нереальное, неосуществимое. Тем не менее рискованно выступить в этом беззащитном жанре со скромной прикладной целью: подтолкнуть читателя к размышлению на острую и достаточно большую тему.

Представьте, что при вузах существуют полукурсы, полукружки, полунатурные общества, в которые берут не абитуриентов, а допустим, девятиклассников, уже выбравших свой жизненный путь. Уровень преподавания высокий — вуз заинтересован в хорошем пополнении. Плата за

это своеобразное творческое репетиторство не большая и не малая, а достаточная, чтобы окупить все расходы. Но — и это, может быть, главное — с родителей не берут ни рубля. Кто же платит? Те, кто учится. Девятиклассники, десятиклассники, выпускники. На счет курсов подготовки перечисляются деньги, заработанные ребятами на трудовой практике или просто на уроках труда. Только эти деньги в ходу — никаких кроме!

Что даст подобная система?

Во-первых, у школьников будет стимул трудиться: они станут работать не для учителя, не для отметки, не для абстрактно понимаемого «интереса», а во имя собственного будущего — в чем, кстати, и проявится реальный, а не романтический интерес. Во-вторых, ребята почувствуют настоящий вес заработанного, а не выпрошенного рубля. В-третьих, к занятиям, оплаченным своим, а не родительским потом, отношение будет иное. В-четвертых, сразу отсеются лентяи, те, кого чуть не силой заталкивают в вузы папины дивиденды. В-пятых, будет стимулироваться и вознаграждаться ранняя профессиональная ориентация. В-шестых, справедливый принцип равных возможностей будет полностью соблюден...

Не исключаю, что мои предложения найдут больше оппонентов, чем сторонников. Что ж, в любой дискуссии должно быть сказано первое слово, пусть даже очень далекое от истины. А дискуссия о проблемах нашей высшей школы, думается, неизбежна. Ни из каких соображений нельзя жертвовать уровнем специалиста. Недопустимо, чтобы огрех в профессиональном образовании оканчивался на Митинском кладбище.

1984

ПОПЫТКА ПРОРОЧЕСТВА

Итак, в Москве создается несколько новых театров: театр Олега Табакова, театр Марка Розовского, театр Валерия Беляковича. Вот уже несколько газет сообщило об этом отрадном факте.

Факт, конечно, отрадный. Но как же привыкли мы к неправде, не в крупном, так в малом. Хорошо, что откроются эти театры, но какие же они новые? Театр Розовского существует не меньше двадцати лет — менялись названия, актеры, помещения, репертуар, но оставалась необычная поэтика режиссера, его видение сцены, его острый и крайне своеобразный профессиональный язык. И сейчас наконец приобретает какой-то статус вовсе не новый, а давно известный москвичам и немосквичам театр Марка Розовского.

Создается театр Олега Табакова. Ну, а тот подвальчик на улице Чап-лыгина, где и десять лет назад на жестких скамьях, а то и просто на по-

лю сидели на равных студенты и театроведы — это что было? Не театр? Уже тогда я вкупе с прочими пишущими людьми отстаивал право юного живого коллектива на легализацию. Не вышло — кто бы теперь объяснил, почему? Ладно, завтра зрелищное предприятие откроется. Но что это будет за театр, не знаю. Десять лет назад мальчики и девочки младшего студенческого возраста начинали спектакль «Маугли» с гимнастики йогов, со стойки на голове. Тот театр уплыл по реке времени. Как-то сегодня будет работать тридцатилетним мужчинам и женщинам, уже хлебнувшим уксуса неласковой актерской судьбы?

О студии на Юго-Западе в конце семидесятых ходили легенды. Профессионалы ехали на край Москвы смотреть самодеятельность. С тех пор коллектив приобрел кучу опыта. А молодость — осталась? Увидим...

Наверное, при всей праздничности события лучше ему не радоваться, а подумать, почему так трудно оказалось встать на ноги новым коллективам в огромной Москве, где театров решительно не хватает, где даже глубоко посредственным заведениям практически гарантированы аншлаги, где новые театры необходимы хотя бы для того, чтобы создать здоровую конкуренцию уже существующим.

Какую конкуренцию я имею в виду? Прежде всего борьбу за зрителя, или, если проще и грубей, конкуренцию рыночную. Мы все знаем, как плохо, когда на рынке в овощном ряду стоят всего три торговца помидорами. Заломят любую цену — куда мы денемся? Мы от них зависим, а они от нас нет. И остается только мечтать, чтобы Краснодарский агропром приехал со своим рефрижератором. Вот и на московском театральном рынке получилось нечто подобное. Восемь миллионов горожан, два миллиона приезжих — тут уж не до выбора, тут дефицитен чуть ли не любой билет чуть ли не в любой московский театр, которых всего-навсего два десятка.

Что в этом удручает? Да то, что гарантированный аншлаг позволяет решать задачи не творческие, а сугубо личные. Можно из разных соображений поставить беспомощную пьесу, можно выжить хорошего актера, можно играть не для зрителя, а для начальства. Скажем, изобразить на утреннике нечто о правилах уличного движения — шедевра не будет, зато будут столь дорогие сердцу каждого автомобилиста теплые отношения с ГАИ. Я вовсе не хочу сказать, что Москва полна плохими театрами, это, разумеется, не так, но любой театр, увы, имеет кассовую возможность работать плохо. А такой возможности у творческого коллектива быть не должно!

В течение многих лет мой любимый театр — «Современник». До сих пор дорога идея, его породившая, дух бескорыстия первых лет, высокое мастерство лет нынешних. Но и на этой славной сцене стали появляться спектакли необязательные, где театр не столько высказывает, что болит, сколько показывает, что умеет. Почему? Видимо, истина, которую коллектив нес зрителям, высказана и усвоена, а новую пока не на-

шли. Золотоносный пласт почти выработан, скоро может пойти пустая порода. Самое время для тревоги! Но есть великолепная группа, есть сильная режиссура, есть вкус, опыт и, наконец, успех. И нет рядом конкурента, который мог бы увести публику из постоянно полного зала. А ведь это позарез необходимо. И не только тому театру, который, возможно, появится, но и самому «Современнику». Необходим страх — благотворный творческий страх перед тем, что завтра от тебя может отвернуться твой любимый зритель.

Если театр не успевает вовремя встревожиться, получается печально — как вышло когда-то с МХАТом, а сегодня выходит с Вахтанговским. Нет сомнения, что этот знаменитый коллектив сможет долго держаться на плаву — зрители будут ходить туда хотя бы для того, чтобы увидеть живого Ульянова, живого Яковлева. Да я и сам пойду на этих актеров, на Борисову, на Этуша. Но когда ходят не на пьесу, не на спектакль, а на актера — это успех убывающий...

К сожалению, открытие нескольких новых сцен не приведет автоматически к оживлению в мире театра: количество может и не перейти в качество. Вот сколько-то лет назад создали Новый театр. Название обязывающее! Оправдал ли его коллектив? Спектакль получше, спектакль похуже, но где перчатка, дерзко брошенная театральной Москве? Где вызов признанным лидерам афиши? Увы, еще один театр затерялся среди прежних, как осторожный подросток во взрослой компании.

По-настоящему новые коллективы, как правило, с первых своих шагов вступают в конфликт с театральной рутинной, а не сливаются с ней. Так когда-то возник «Современник», так рывком начали новую жизнь преобразованные «Таганка» и «Ленком»: и там, и там первые же спектакли сразу поставили все точки над «и».

И студия Розовского, и студия Табакова этому правилу соответствуют.

В театре «У Никитских ворот» своеобразно все: и репертуар, и сценический язык, и актерская школа — все, вплоть до зрителя. Розовский сформировался в самостоятельности, в студенческом эстрадном театре — он освоил и талантливо преобразовал приемы и традиции студенческого «капустника», великолепно используя их в серьезных спектаклях. Смешные жанры и стили воплотились в некий слав — получился металл дорогой, а местами и драгоценный. Впервые услышав, что режиссер ставит в ленинградском БДТ «Бедную Лизу», я только плечами пожал — идея казалась просто нелепой. А спектакль получился замечательный: умный, трогательный, смешной и человеческий. А «Свадьба» М. Зощенко — уже в Москве, у Никитских ворот? Какой фейерверк находок!

Не знаю, есть ли новаторская театральная идея у Олега Табакова. Да и вообще он прежде всего режиссер, а актер. Тем не менее от его театра я жду очень многого, ибо в основе этого дела лежит — по крайней мере лежала в момент создания — идея не менее значительная, чем

новый сценический язык. Как-то Табаков сказал, что в молодом «Современнике» все было замешано на совести. Видимо, своеобразная ностальгия по той романтической поре не покидала популярнейшего актера, как многих из нас не покидает тоска по молодости, по ее бескорыстию, готовности к полной творческой отдаче, уверенности в неизбежной и даже близкой победе добра над злом. Можно ли прожить молодость дважды? С одной стороны — нельзя. С другой — каждая работа на пределе сил и есть, по существу, молодость. Осилит ли повзрослевшая студия на улице Чаплыгина такую работу? Просчитать тут ничего нельзя, слишком много неожиданного и неясного, можно только верить или не верить. Я в Табакова и его студию верю.

Открытие нового театра, а тем более нескольких всегда обнадеживает. Но надо сразу же сказать: при всей оптимистичности этой разовой акции куда важнее будет постоянно действующий механизм, позволяющий возникать и утверждаться новым творческим коллективам. Отсутствие такого механизма тяжело сказывалось на жизни нашего театра в течение многих лет.

Хочу вспомнить историю печальную, а в чем-то и анекдотичную. Лет двадцать тому назад ко мне, молодому прозаику, пришли два молодых актера и театральных педагога и попросили инсценировать для них только что вышедшую повесть. Позвали на спектакли своего курса. Какое-то время спустя их курс, уже новый, поставил мою пьесу. Сложилось что-то вроде творческой компании с общей творческой программой и общей мечтой: на базе двух курсов создать маленький экспериментальный театр. Самое интересное, что театр этот не потребовал бы никаких финансовых вложений. Идея была такая: к третьему курсу студенты-актеры нарабатывают достаточный репертуар и играют его в течение двух лет, до выпуска. Платить им не надо — есть стипендия. Тратиться на постановки не надо — училище все равно выделяет на это какие-то средства. Актеры из предыдущего выпуска готовы были два года играть, что называется, на общественных началах, во имя одной лишь творческой радости.

Для осуществления идеи требовалось не так уж много: контора, которая готова предоставить зал и класть на свой текущий счет деньги, выреченные за билеты.

В огромной Москве такой конторы не нашлось. Не вызвали мои товарищи доверия у начальства в качестве потенциальных руководителей даже столь маленького театра.

В общем-то никто из нас в этой жизни не пропал, у всех творческая судьба хоть как-то да сложилась. Но осталась, если употребить выражение Грина, тоска по Несбывшемуся. Все театры, все премьеры, похвальные отзывы не заполнили в душе то пространство, которое было предназначено безденежной молодежной студии, где все друг друга знали, друг другу верили и готовы были на любые жертвы ради радости работать на пределе возможностей.

Прошло время, и выяснилось, что два молодых энтузиаста хоть скромного доверия, но заслуживали: один из них, народный артист СССР Виктор Коршунов, стал директором Малого театра, второй, народный артист РСФСР Юрий Соломин ныне — один из популярнейших актеров страны. И ученики их состоялись. В дальнейшем я встречал их в разных театрах, но, увы, хорошие актеры все-таки ощущали себя обломками кораблекрушения. У них многое получилось, но что-то очень дорогое не сбылось.

Хочется верить, что коллективы, складывающиеся сегодня, не распыряют в разные стороны бури моря житейского.

Однако обновление театра не может происходить только за счет утверждения новых трупп и новых театральных идей. Поиски в области формы в искусстве необходимы и неизбежны. Но когда оно перестает глубоко исследовать жизнь, оно обречено. Главный кровеносный сосуд, связывающий сцену с жизнью — безусловно, драматургия. Театр как зрелищное предприятие начинается с вешалки. Театр как высокое искусство начинается с высокой пьесы. Сегодняшний режиссерский театр поставил этот тезис под сомнение и в общем-то доказал, что может существовать на любой литературе. Но как долго?

Режиссерское лидерство необычайно обогатило театр. Режиссерская монополия постепенно сводит вчерашние приобретения на нет. Безусловно, большой художник имеет право требовать, чтобы весь коллектив работал на его замысел, на его видение мира, на его личность. Ну а если во главе театра стоит режиссер, у которого большие только амбиции?

В наш век театральная техника развивается быстро, набор постановочных штампов достаточно богат — по-разному комбинируясь, шаблоны создают даже видимость новаторства. Режиссер-ремесленник и пьесы предпочитает ремесленные, без мысли и боли — они легче уминаются в любую формальную конструкцию. Союз ремесла с ремеслом приобилии технических возможностей и придает сегодняшней сцене странный колорит — я бы определил его, как «яркая серость»...

В молодом МХАТе высшей творческой задачей считалось понять и раскрыть пьесу. Сегодня у сценического искусства другой идеал — драматург при театре, покладистый автор, способный понять замысел режиссера и удобно скомпоновать вокруг него литературный материал.

Столичное кассовое благополучие не отражает российской реальности. Театры республики из года в год дают все больше спектаклей, но на каждый спектакль приходит все меньше зрителей. Отлив идет медленно, но, увы, этому процессу свойственно ускорение. Аншлаги привлекают, полупустые залы неprestижны: если в театр пойти предельно легко, зрители предпочитают туда не ходить. А когда публика решительно покидает зрелище, нужны титанические усилия, чтобы ее вернуть.

В последние годы дыхание зимы ощущает и Москва: театры, где на фронте нет регалий, а в программке пяти народных, узнали, как вы-

глядят пустые места. Значит, и они входят в эпоху эксперимента — не того, правила которого разработали в Управлении театров и который можно принять, а можно и погодить, а иного, более жестокого, у которого правил нет и где задача не попробовать, а выжить. Что же, ничто так не стимулирует воображение режиссера, как свободные кресла. Стремясь удержать уходящего зрителя, труженики подмостков просто вынуждены будут выдвигать новые художественные идеи, зорче вглядываться и в драматургию, и в жизнь. Любой театр стремится к аншлагу, но искусство сцены спасают от ожирения и гибели именно пустые ряды...

Думается, новые театры станут возникать по всей стране, и именно их в первую очередь надо ориентировать на самый широкий поиск: они мобильны, внутренне свободны и поначалу могут принять любую структуру. А значит, непривычные организационные формы могли бы пройти относительно безболезненную проверку именно в молодых коллективах.

Какими же быть нашим новым театрам? Каким вообще быть театру завтра? Режиссерским, актерским, авторским, продюсерским? Я вижу лишь один разумный ответ: разным, только разным. Монополия никогда не ведет к процветанию, ей незачем развиваться, она и так хороша, поскольку не с чем сравнивать.

Режиссерский театр? Вероятно, на долгое время он останется в сценическом искусстве ведущим. Розовский, Белякович, Анатолий Морозов в челябинском «Манекене» ищут новые формы, новый театральный язык, и им, конечно же, надо помогать: все, взятое в кредит, будет с лихвой возвращено, тому гарантией их одаренность.

Актерский театр? Он существовал веками, а мы о такой возможности словно бы забыли, стоит коллективу остаться без главного режиссера, истошно лупим в пожарный колокол, будто нет для подмостков худшей беды, чем актер у власти. Может, оно и так. Но хоть попробовать-то надо. Мне, например, очень интересно, как сложится дело в подвале на улице Чаплыгина, где у руля именно актер. Конечно, творческая диктатура режиссера многим хороша: она позволяет разумно формировать труппу, подбирать актеров на роли, исходя из замысла, объективно оценивать их успех или провал. Но она же, увы, начисто исключает объективную оценку работы самого режиссера. Хорош или плох, преуспел или провалился — все равно следующий спектакль будет ставить он же, и пьесы придется брать по его вкусу и желанию. Табаков — опытный и авторитетный актер, великолепно знающий возможности своего ремесла и выросший на настоящей драматургии, ставить под сомнение его право на лидерство просто нелепо. И если в большинстве театров судьба пьесы зависит от того, «видит» или «не видит» ее режиссер, пусть будет один театр, где судьба режиссера зависит от того, «видит» или «не видит» его труппа.

Ну а театр авторский, театр драматурга — он возможен? Думаю, даже необходим. Без такого театра не было бы ни Мольера, ни Брехта. А Арбузов — каким он стал бы без студии Арбузова? Кстати, театром драматурга вовсе не обязательно должен руководить драматург. Это может быть коллектив с нынешней организационной структурой, но иной творческой задачей. Говорят, в Англии есть мемориальный театр Шекспира, у нас в Москве молодой режиссер пытался организовать при музее в Мелихове театр Чехова. Я не отстаиваю идею «театра одного драматурга», я напоминаю, что даже такая идея возможна. Ну а если без крайностей — разве не был московский Малый долгие десятилетия «домом Островского»? Конечно, он ставил не только Островского, но во всей своей деятельности шел прежде всего от его поэтики, его жизненного материала, его видения мира. А МХАТ был «домом Чехова», знаменитая система Станиславского, возможно, и создавалась прежде всего для воплощения на сцене тончайшей психологии «Трех сестер» и «Вишневого сада».

Театр драматурга нужен не столько потому, что он вдумчиво и глубоко читает пьесу, сколько потому, что через пьесу он так же глубоко читает жизнь. А ведь самые сильные потрясения зритель испытывает именно тогда, когда перед ним внезапно и грозно обнажается дотоле неизвестная жизненная закономерность. Одно из моих ярчайших театральных впечатлений последних лет связано именно с таким «прочтением жизни» — причём как раз молодым коллективом.

Киев, недавно созданный театр драмы и комедии, «Гамлет». Эта вечная пьеса, из классики классика, ставилась прежде (да и сейчас порой) монументально, ибо в ней самой все монументально — от масштаба конфликтов до количества персонажей. А тут — зальчик на сто мест, крохотная площадка, на которой актерам в буквальном смысле слова отступать некуда — позади глухая стена. Но как же мощен, как неожидан спектакль! Самое, пожалуй, непривычное, что в центре его, абсолютно на равных с Гамлетом — Клавдий. Нет никакой перекомпоновки эпизодов, никакого насилия над пьесой. Просто новый король, в котором зритель привычно готов увидеть мелкого тщеславного негодяя, прочтен режиссером Э. Митницким и актером Б. Романовым как трагический персонаж со всеми правами трагического да еще шекспировского героя. Нет, он не стал благородней — он стал глубже. Этот Клавдий вовсе не похотливый мерзавец, каким представляется он разгневанному Гамлету. Да, не гений, не красавец, не герой на белом коне. Но — крепкий хозяин, хорошо знающий и жизнь страны, и поневоле мир «коридоров власти». Он прост, даже грубоват, к придворным тонкостям относится со здоровым пренебрежением. Стране он желает мира, к себе относится достаточно трезво, ни в грош не ставит пышный дворцовый ритуал. Вообще в нем как ни странно больше от простолюдина, чем от аристократа. Да, сын жестокой эпохи, ради власти и женщины Клавдий совер-

шил убийство, но был бы рад, если бы оно в его стране оказалось последним...

Увы, кровь притягивает кровь, одно убийство влечет за собою другие. Все привычнее во дворце трупы, до неприличия торопливы очередные похороны, утерян всякий контроль над ситуацией, психика не выдерживает напора жутковатых случайностей — и на шпагу Гамлета напыряется уже полубезумный тиран...

Даже Шекспиру, гению, многократно истолкованному лучшими режиссерами планеты, необходимо доверие и влюбленное внимание постановщика... Так как же нужно все это современному драматургу, не имеющему столь щедрого кредита у сцены и публики.

Думаю, уже в ближайшие годы ведущее место в театральном процессе займут коллективы, чья работа как раз и нацелена не столько на яркую постановку, сколько на серьезное прочтение пьесы. И причиной тому будет не столько драматургия, сколько жизнь.

Мне кажется, мы пока лишь начинаем понимать всю сложность явления, которое именуется так распространенным сейчас словом «перестройка». Ведь речь идет не просто о том, чтобы работать лучше — речь идет о существовании в принципиально новых условиях. И проблема эта касается не только нашей страны: медленно, болезненно, трудно идет перестройка психологии всего человечества.

Многие системы и принципы, исправно служившие людям веками, вдруг почти одновременно начали отказывать. Кризисы следуют один за другим: продовольственный, энергетический, экологический, демографический, не говоря уж о бесконечных кризисах политических. Хочешь не хочешь, перестраиваться приходится постоянно. Процесс этот не может не затронуть искусство, ибо он вполне естественно сопровождается кризисом отживающих идей.

Бесхитростная проповедь «разумного, доброго, вечного» может поставить художника в положение лжеца, если он не определит, что является сегодня разумным и добрым. Очевидные, казалось бы, понятия требуют честного исследования и жесткой конкретизации. И это касается самых разных сторон действительности.

Ну что, казалось бы, может быть однозначнее патриотизма? Любовь к своей стране, забота о ее безопасности — есть ли эмоции благородней? Но на наших глазах забота о безопасности только одной страны ставит на край гибели и все человечество, и саму эту страну. Переоценка собственного опыта и пренебрежение чужим за какое-нибудь десятилетие способно сделать передовое государство отсталым. И получается: нельзя любить свою страну, не любя и не уважая остальное человечество.

А проблемы семьи? Кажется, чего проще: агитирую за ее укрепление, и дело с концом! Агитируем. Из года в год агитируем. А она распадается. Значит, прежде, чем агитировать, необходимо разобраться, что же происходит в ее недрах, где зарождается разрушительный процесс.

Высокая задача искусства, и театра в том числе,— понять изменившуюся жизнь. Чтобы указывать дорогу, надо видеть дорогу. Эту задачу предстоит решить в первую очередь драматургам — и решат, рано или поздно решат, ибо деться им просто некуда. Думаю, что эпоха философской (в широком понимании) драмы не только нужна, но и неизбежна.

Видимо, придется изменить представление о так называемой «нужной» пьесе. У нас то и дело слышишь: театр ищет пьесу. Не пьесы, а именно пьесу. Одну. «Нужную». Такой театр вызывает тоску: он похож на шахматиста, который мыслит лишь на ход вперед. Хапнет пешку и доволен, даже если через ход получит мат. Он не думает о творческой позиции, о жизни, о своем месте в человечестве — только о пьесе, способной заткнуть сегодняшнюю репертуарную дыру. Для такого театра надо не писать пьесы, а выпускать пробки. Хуже всего, что уже выросло поколение специалистов по таким пробкам — драмоделов, способных быстро и достаточно умело гнать «тематуху». Эти ремесленники и спасают до поры до времени вчерашний театр. Завтрашнему понадобится иное: умение анализировать литературу и жизнь.

Нужен ли драматург при театре? Разумеется, нужен, особенно если театр этого заслуживает, а драматург не заслуживает иного. Но не меньше нужен и театр при драматурге, если драматург — Розов, Володин или Петрушевская.

Какая потеря для нашей культурной жизни, что не было и нет до сих пор театра Вампилова! В начале семидесятых мы дружно возмущались: как плохо, что не играют Вампилова. А плохо стало, когда сыграли. Режиссер за режиссером спешили «отметиться», получить как бы свидетельство о гражданской смелости и прогрессивном образе мыслей. Постановки исчислялись десятками, открытия — лучше не считать. Ныне знаменитый молодой драматург, первым добравшийся до принципиально нового жизненного пласта, поставлен и, практически, отыгран. Но — прочитан ли? Раскрыт ли? Мне кажется, театр Вампилова еще впереди.

Показательна и судьба Александра Володина. В ту благословенную эпоху, когда даже столичные театры нуждались в зрителе, его ставили широко: он принес из жизни тот быт и ту идею, которые так остро были необходимы сцене. Потом театры получили зрителя, приобрели репутацию и с тех пор стали прекрасно обходиться без Володина с его ярко талантливыми, но слишком хлопотными пьесами. И не в том только дело, что его опасались брать в репертуар из перестраховки, просто он постоянно шел вперед, сомневался, мучился, думал и тем самым вынуждал театр к чересчур уж напряженной работе. А зачем напрягаться, если можно иметь аншлаг, не сомневаясь, не мучась и даже не думая? Чем это кончилось, известно: театр потерял замечательного драматурга, кино приобрело замечательного сценариста. Сейчас имя Володина вернулось на театральные афиши. Ставятся его пьесы, написанные много лет назад. Но кто компенсирует потерянные годы — не драматургу, нет, он-то по-

стоянно работал и рос творчески, — кто компенсирует потерянные годы театру?

И, наконец, еще об одной организационной форме, которая, на мой взгляд, остро необходима нашей сцене, — о театре продюсерском (прошу прощения за иноязычный термин, но у нас такой формы, а значит, и соответствующего слова нет). О театре, который создается специально ради одной пьесы.

В разных странах форма эта широко распространена. Некто, имеющий средства, приобретает права на понравившуюся ему пьесу, приглашает на нее режиссера, вместе набирают актеров — вот и театр. Спектакль репетируют, выпускают и день за днем играют до тех пор, пока ходит зритель. Иногда успеха хватает на неделю, и продюсер разоряется, а актеры остаются без работы. Иногда пьеса идет годами, и тогда безвестные исполнители становятся знаменитостями, а режиссера буквально рвут на части.

Рискованный, жестокий театр!

Но сколько же в нем позитивного! Он не допускает компромисса, лени, серости. За другие спектакли репертуара не спрячешься — либо победа, либо поражение. Актерам нельзя скалтурить: в одном спектакле вся их судьба. Борьба за качество дает прямой и поразительно наглядный результат, диапазон которого — от славы до позора. Наконец для такого спектакля посредственную пьесу выберет разве что самоубийца: тут ситуация как у зимнего путника, которому надо зажечь костер единственной спичкой. Окажись, например, в Москве такой продюсер, и давно бы шли «Уроки музыки» Людмилы Петрушевской, «Маленькие голландцы» Андрея Кучаева, не погибла бы безвременно «Взрослая дочь молодого человека» в постановке Анатолия Васильева — может быть, самый талантливый спектакль прошлого десятилетия...

Да, но где взять продюсера в нашей стране?

Если поискать — найдутся. Я, например, никогда не мог да и сейчас не способен понять, почему громадный автозавод имени Лихачева может позволить себе футбольную команду высшей лиги, но не в силах поднять «высшей лиги» театр?

Во многих странах крупные фирмы самого разного профиля вкладывают деньги в искусство и внакладе не остаются. Наш МХАТ стал возможен не только потому, что Станиславский и Немирович-Данченко встретились и поговорили в «Славянском базаре», но и потому, что миллионщик Савва Морозов оказался человеком с размахом и чутьем на талант. Наши фирмы не мельче ни зарубежных, ни дореволюционных, но если и меценатствуют, то больше по части кожаного мяча и неударжимой шайбы. Причина? В общем, понятная — за спорт легче ответить.

Думается, это вчерашние соображения. Ни творчески руководить молодым коллективом, ни отвечать за него не надо — на это есть дирекция, режиссура и художественный совет. А вот помочь выросшей самостоятельности встать на профессиональные ноги — задача благородная и вполне посильная для металлургического комбината, железной дороги или круп-

ного вуза. Насколько беднее стал бы челябинский «Политех» без знаменитого «Манекена»! Насколько беднее стал МГУ без так талантливо работавшей и так бездарно закрытой студии «Наш дом»!

Весной в Болгарии я был свидетелем рождения очень своеобразного «продюсерского» театра — свидетелем и чуть-чуть участником, ибо болгарские коллеги оказали мне честь, открыв новое дело моей пьесой. Театр «Мельник-27» самый маленький в мире — двадцать семь кресел, отсюда и название. Можно ли при таком зале держать труппу и оккупать себя? Конечно же, нет! Но театр и не держит труппы. Весь его штат — один человек: директор Слав Македонский, прозаик, очеркист и вообще человек, крайне популярный в Пиринском крае. Система такая: берется пьеса, приглашается режиссер, набираются актеры. Премьера играется в Мельнике, в старинном, удивительно красивом маленьком зале. А затем спектакль продолжает свою жизнь на любых подходящих площадках, в разных городах. Пьесы выбираются камерные, спектакли мобильны. Софийские актеры могут репетировать в Софии, пловдивские — в Пловдиве. А причем же тут театр? Он — продюсер, помогающий творческим людям в организационно-финансовой деятельности, в которой даже самые крупные художники сцены не всегда мастера.

Еще вопрос: зачем вся эта затея меценату, дирекции туризма и исторических памятников Пиринского края? Ведь сейчас театр на дотации, и только время покажет, сможет ли он приносить доход. Но у мецената свой интерес: во-первых, необычный театр в горном городке обещает стать еще одной приманкой для туристов, во-вторых, он позволит жителям края чаще видеть у себя известных артистов из театральных центров страны.

Вообще различные малые сцены — не при театрах, а вне их — очень распространены сейчас в Болгарии. У зрителей они пользуются популярностью, у актеров тоже. Их заинтересованность двоякая: творческая (возможность выложиться в добровольно избранной роли) и материальная (в том же «Мельнике-27» актер получает за каждый спектакль примерно четверть своей обычной месячной зарплаты). Если в «нормальных» театрах продолжительность жизни спектакля никак не сказывается на заработке исполнителей, то здесь, как видим, зависимость прямая...

Впрочем, я кажется слишком уж углубился в чужую область — об экономике театра пусть говорят экономисты...

Так каким же я хотел бы видеть завтрашний театр?

Разным. Внутренне свободным. Организационно подвижным. Не зависящим от мелкой начальственной опеки. Прямо зависящим от зрителя. И прежде всего не угождающим эпохе, а исследующим ее, ибо сложнейшая наша эпоха нуждается в честном исследовании, в генерации новых идей, в конструктивном мышлении и конструктивном пророчестве, направленном вперед, как прожектор идущего поезда. Театр может говорить со зрителем любым языком, даже языком дискотеки, но по главной своей сути он все-таки кафедра.

СОДЕРЖАНИЕ

Анатомия перегиба	3
Цена любви	13
Репетитор	31
Попытка пророчества	37

Леонид Аронович ЖУХОВИЦКИЙ
ПОПЫТКА ПРОРОЧЕСТВА

Редактор Л. М. Наточанная
Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 28.05.87. Подписано к печати 23.07.87. А 00403. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 3,23. Усл. кр.-отг. 2,28. Тираж 80000 экз. Изд. № 2098. Заказ № 805.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени
В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

● Государственный внутренний выигрышный заем 1982 года является удобной и выгодной формой хранения денежных сбережений населения.

● Этот заем выпущен в облигациях достоинством в 100, 50 и 25 руб. сроком на 20 лет — с 1 января 1982 года по 1 января 2002 года.

● Облигация в 100 рублей состоит из двух пятидесятирублевых облигаций одной серии с двумя номерами. Облигация в 25 рублей является половиной пятидесятирублевой облигации.

● В течение двадцатилетнего срока займа проводится 160 тиражей выигрышей — 8 тиражей ежегодно в следующие сроки: 15 февраля, 30 марта, 15 мая, 30 июня, 15 августа, 30 сентября, 15 ноября и 30 декабря.

● Облигации займа свободно продаются и покупаются всеми сберегательными кассами и принимаются от их владельцев на хранение.

● Выигрыши по займу установлены в 10000, 5000, 2500, 1000, 500, 250 и 100 рублей на пятидесятирублевую облигацию, включая ее нарицательную стоимость.

● Владелец выигрыша в 10000 рублей имеет право на внеочередную покупку автомобиля «Волга» или легкового автомобиля аналогичного класса, а выигрыша в 5000 рублей — автомобиля другой марки классом ниже. Разница между стоимостью автомобиля и суммой выигрыша вносится владельцем выигравшей облигации.

● Выигравшие облигации Государственного 3-процентного внутреннего выигрышного займа 1966 года, а также облигации этого займа, подлежащие выкупу по их нарицательной стоимости, могут быть предъявлены к оплате до 1 июля 1988 года.

Сберегательные кассы к Вашим услугам!

ПРАВЛЕНИЕ ГОСТРУДСБЕРКАСС СССР